

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 48

1983

Сергей ЛОСЕВ

Виталий ПЕТРУСЕНКО

МЕСТЬ

ПО-АМЕРИКАНСКИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 48

Сергей ЛОСЕВ
Виталий ПЕТРУСЕНКО

МЕСТЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Лосев Сергей Андреевич родился в 1927 году в рабочем поселке Юрино Марийской АССР. По образованию журналист-международник. В центральной печати выступает с 1953 года. Работал корреспондентом ТАСС на Ближнем Востоке и в США. В настоящее время — Генеральный директор ТАСС, член Центральной ревизионной комиссии КПСС. Лауреат премии Союза журналистов СССР имени В. В. Воровского.

Петрусенко Виталий Васильевич родился в 1933 году в селе Теткино Курской области. Член Союза журналистов СССР с 1958 года. Начинал со спортивной журналистики, работал в редакциях газет «Правда» и «Известия», был корреспондентом ТАСС в США, сотрудником журнала «Проблемы мира и социализма» в ЧССР. В настоящее время — консультант журнала «Международная жизнь».

Результатом творческого содружества С. Лосева и В. Петрусенко стали документально-детективные повести «Преступление без наказания», «Преступление века — розыск продолжается», «Эхо выстрелов в Далласе», «Западня на Потомаке» о политических нравах в США.

«ЧИЛЛЕР» НАЯВУ

С 4 на 5 июня 1968 года по каналу телевизионной компании Эн-Би-Си шел обычный фильм ужасов — «чиллер», которым потчуют «сов» — американцев, засиживающихся у малого экрана далеко за полночь. Из «чиллеров» (от глагола «чилл» — холодеть), как из фонтана, бьют сцены жестокого насилия, увечий, убийств, от них должны леденеть кровь и бегать по коже мурашки. При демонстрации этого киносадизма лента особенно часто разрезается рекламными вставками.

Будучи тогда корреспондентами ТАСС в США, мы с удовольствием могли отметить, что очередной «чиллер» прерывался не только коммерческой рекламой, но и информационными вставками о ходе на другом конце Америки, в штате Калифорния, предварительных, или первичных («праймери»), выборов. От их исхода зависела во многом судьба демократической партии и ее основных претендентов в президенты — сенаторов Роберта Кеннеди и Юджина Маккарти.

Корреспонденты Эн-Би-Си сообщали о нараставшем перевесе Роберта Кеннеди. И наконец из Лос-Анджелеса поступила информация о победе сенатора, открывавшей ему путь в президенты, как вдруг телекамеры перенесли нас в буфетную отеля «Амбассадор».

То, что мы увидели, нельзя было назвать иначе, чем страшнейшая суматоха. Голос диктора за кадром с нескрываемым волнением повторял, что в этой буфетной только что неизвестный выпустил несколько пуль в Роберта Кеннеди.

Ничто другое не смогло бы прервать демонстрацию «чиллера», кроме такой реальной и крупномасштабной трагедии. В течение нескольких часов, до самого утра Эн-Би-Си, как и другие телевизионные сети, десятки раз повторяла сцену, возникшую сразу же после покушения, вновь и вновь пересказывала перипетии борьбы в Калифорнии. Но даже трагедия в отеле «Амбассадор», вытеснив «чиллер», не смогла стряхнуть с экрана хотя бы на эти несколько часов знаменитую своей назойливостью американскую коммерческую рекламу. Приведем кусочек из записанной нами на магнитофонную пленку передачи Эн-Би-Си.

...Обозреватель Чет Хантли: «Пулями в голову был смертельно ранен сегодня сенатор Роберт Кеннеди. Это случилось на глазах сотен людей в его политической штаб-квартире в лос-анджелесском отеле, спустя месяц и один день после убийства Мартина Лютера Кинга...»

Корреспондент Джек Перкинс из больницы: «Согласно последнему медицинскому бюллетеню, Роберт Кеннеди находится в чрезвычайно тяжелом состоянии».

Обозреватель Дэвид Бринкли рассказывает о последних часах жизни сенатора Кеннеди, и тут его перебивает голос диктора из-за кадра:

«Программу Хантли — Бринкли подготовила редакция новостей Эн-Би-Си, а оплатила фирма «Ньюпорт», предлагающая вам ментоловую сигарету мягчайшего вкуса и королевской величины — сигарету «Ньюпорт».

Вслед за объявлением понеслись кадры рекламного ролика. В парикмахерской клиенты, куда их стригли и брили, курили сигареты, а голос диктора нараспев выводил стишки:

«Покуда парикмахер его стриг,
Клиент Макнейр истошный поднял крик:
«Всю глотку разодрала сигарета!
Не даст ли кто помягче мне, чем эта?»
Тут Дэйв-добряк, закончивший бритье,
Откликнулся: «Да выбрось ты ее,
Бери «Ньюпорт», он мягкости рекорд,
Да и по вкусу тоже высший сорт!»

Песенка звучала в высшей степени нелепо. Ведь только перед ней на глазах у американцев умирал на полу буфетной Роберт Кеннеди, а над ним склонялась его жена Этель, о которой то Хантли, то Бринкли сообщали, что она ждет одиннадцатого ребенка. Едва растворились слова о высшем сорте «Ньюпорта», как Дэвид Бринкли начал очередной репортаж словами: «Полиция задержала молодого человека, которому предъявлено обвинение в совершении выстрелов». Не успел он промолвить последнее слово, как хор молодых в парикмахерской грянул:

«Ооооо, более мягкий «Ньюпорт»,
Более свежий «Ньюпорт» —
Более мягкая, более освежающая сигарета!»

Когда много лет спустя вслушиваешься в бархатные голоса американских телевизионных обозревателей и водевильный экстаз сигаретной рекламы, то даже еще более, чем в тот, 1968 год, все это напоминает дурной сон. Мы не беремся судить за американцев, какой была их реакция. Нам же казалось и кажется, что в ту ночь мы видели самый страшный «чиллер».

Молодой человек, о котором говорил Дэвид Бринкли, не называл поначалу своих имени и фамилии, пока они не были установлены по отпечаткам пальцев. Сирхан Сирхан был приговорен судом к смертной казни, замененной 15-летним сроком в Соледадской тюрьме Калифорнии. За хорошее поведение ему несколько сократили срок, в результате Сирхан, избежавший благодаря настойчивой просьбе сенатора Эдварда Кеннеди газовой камеры, в 1984 году в возрасте 40 лет должен оказаться на свободе.

Три убийства — президента Джона Кеннеди, негритянского лидера Мартина Лютера Kinga и сенатора Роберта Кеннеди — воспринимались и воспринимаются в США, да и в других странах как «логически» неразрывно связанные между собой. Главное сходство между ними в том, гласит официальная версия, что все трое стали жертвами убийц-одиночек, что ни в одном случае якобы не было... заговора. Для преобладающего же большинства американцев, если судить по опросам общественного мнения, главное сходство в обратном: все три деятеля были мишенями заговоров, истинные виновники разгуливают на свободе.

Серьезным ударом по официальной версии явился при всей его половинчатости доклад специальной комиссии палаты представителей конгресса США по расследованию убийств (СКРУ), которая пришла к заключению, что Джон Кеннеди и Мартин Лютер King явились жертвами заговоров. В свете этого доклада и без того малолубедительная версия относительно того, что и с Робертом Кеннеди справился убийца-одиночка, стала еще менее состоятельной.

Авторы, хотя и не собираются абстрагироваться от перипетий преступления в Лос-Анджелесе, не претендуют на роль криминалистов. В буфетной «Амбассадора» незримо присутствовали торжествующие враги Роберта Кеннеди, враги его старшего брата. И раньше было известно, что эти враги не были мелюзгой, которой могли бы не понравиться какие-то отдельные акции, или замыслы, или взгляды Роберта Кеннеди. Целые группировки и коалиции могущественных сил не устраивала в нем совокупность качеств и взглядов.

Ныне, после открытия семьей Кеннеди для историков всех личных бумаг Роберта Кеннеди, после серии разоблачений на уровне конгресса США деятельности ряда американских спецслужб, предположения, кому не угоден был сенатор, вновь приобрели актуальное звучание.

Наряду с этим продолжают попытки очернить покойных братьев Кеннеди; в США выходят даже чисто пасквильные работы, приписывающие им то ли страсть к прелюбодеяниям, то ли принадлежность к... национальному синдикату преступности и т. п. С другой стороны, свыше 150 отделений Гражданской комиссии расследования — общественной американской организации, занимающейся розыском убийц Джона Кеннеди, Мартина Лютера Kinga и Роберта Кеннеди и объединяющей в своих рядах многих

добровольных искателей правды, — не теряют надежды вывести на чистую воду и преступников и тех, кто непосредственно помогал им.

Прежде чем начать наше повествование, несколько слов о Джоне и Роберте Кеннеди. Происхождение, воспитание, миллионные богатства, система взглядов приковывали их к своему классу. Но они иногда были вынуждены пытаться ослабить эту силу притяжения, чтобы получить больше свободы и простора для действий, объективно и субъективно направленных на приспособление к новым реальностям внутри страны и за ее пределами. Им приходилось считаться с требованиями простых американцев, которым они не жалели давать обещания в ходе предвыборных кампаний. Они должны были подумать об образе («имидже») Америки за границей и для этого пойти на некоторые реформы в стране, прежде всего в области расовых отношений. Такая, пусть даже навоящая лишь косметический румянец деятельность вызывала недовольство, неприязнь и злобу в определенных кругах, наживала им врагов.

И, наконец, все сказанное должно быть помножено на честолюбие покойных братьев, их стремление к величию, к оседланию на многие годы Белого дома, что, в свою очередь, усиливало вражду к ним других.

Наш рассказ поэтому неизбежно сосредоточивается на тех циклонах, которые собирались над головой Роберта Кеннеди в течение всей его сознательной жизни. Именно они навеяли, как считают знающие люди в Америке, те ветры — ветры ледяной силы, которые и создали обстановку для «чиллера» наяву в ночь с 4 на 5 июня 1968 года в отеле «Амбассадор» Лос-Анджелеса.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ КРОВАВЫЕ ВЕХИ

Политические убийства в Америке расставили в различных концах страны отметки, своеобразные вехи, которые служат и определенными водоразделами периодов и даже целых эпох американской истории. Выстрелы, сразившие сенатора-демократа Роберта Кеннеди, положили конец мечтам политикам из фракции клана Кеннеди в демократической партии США продолжить политику «новых рубежей», начатую покойным Джоном Кеннеди.

Механизм политических убийств, который существует в США, не прост. И для сравнения с ним просится отнюдь не какой-то постоянно работающий двигатель внутреннего сгорания, а электронно-счетная машина с отменным запоминающим устройством и бдительной решающей системой. «В жаргоне ЦРУ, — писал журнал «Тайм», — есть выражение «операция по уничтожению». Этот термин означает действие, предназначенное нейтрализовать противника. В наборе имеющихся для этого средств значатся и пропаганда, с помощью

которой можно опорочить человека, и подкуп с обещанием виллы во Франции и бездонного счета в Швейцарии. Сюда входит также убийство».

Механизм политических убийств собирается и запускается на свой лад в каждом конкретном случае и потом также тщательно демонтируется, чтобы не оставить следов.

Историк Теодор Уайт под впечатлением политических убийств в США попытался определить их смысл. Для этого он пользуется условным разграничением, которое возможно благодаря существованию в английском языке двух синонимичных слов, выражающих понятие «убийство»: «мердер» и «ассэссинэйшн». «Мердер» (murder), — пишет он, — обычно является мотивированным актом, на который человека толкает жадность, гнев или страсть. «Ассэссинэйшн» (assassination) представляет собой символический акт; убийца здесь не имеет иной причины для ненависти, кроме как того символа, с которым ассоциируется его жертва».

Хотя слово «мердер» иногда применяется в отношении братьев Кеннеди и Кинга, все же именно ко второй категории убийств — «символических» относят акты кровавой политической мести.

На уровне города, на уровне штата и в федеральном масштабе повседневная американская политическая жизнь порождает соперничество групп, которые смотрят на власть как на средство отстаивания и распространения своих материальных интересов и идеологических воззрений. Одни представители правящего сословия уповают на социальный статус-кво, они именуют себя консерваторами. Другие считают, что укреплять существующий строй удобнее и эффективнее строго контролируемые реформами, что заманчивые обещания перемен помогают выпускать из масс пары недовольства, — эти называют себя либералами.

При оценке консерватизма и либерализма в Америке важно не впадать в две противоположные крайности. Переоценивать политические различия и степень соперничества между ними нельзя. Но, с другой стороны, нельзя и недооценивать определенную разницу между ними.

И все же, как ни крути и ни верти, а в большинстве случаев мишенями «ассэссинэйшн» становятся политики либеральных взглядов, отлично владеющие организаторскими навыками, умеющие привлечь к себе внимание избирателей.

Близко знавшему сенатора Роберта Кеннеди юристу Элларду Ловенстейну был задан вопрос, каковы были, по его мнению, мотивы убийства сенатора. Ловенстейн, потративший немало времени и усилий на попытку разгадать тайну убийства Р. Кеннеди, ответил так:

«Он знал... миры, о которых все остальные из нас ничего не знали. Он освоил те компоненты власти в Америке, которые изложены в учебниках, — политическая организация, выдвижение кандидата,

выборы, законодательное собрание штата, правительственный кабинет, суды, профсоюзы, пресса, телевидение, академический мир. Он прощупал, в том числе и с помощью сенатских слушаний, святая святых власти, те ее компоненты, которые, по мнению радикалов, фактически контролируют систему — промышленников, банкиров, миллионеров-нефтяников, многонациональные корпорации, Пентагон, военно-промышленный комплекс, элиту. И он пошел дальше учебников и радикалов: изучил темные подземные стремнины, по которым происходит движение мрачных и подлинно могущественных сил Америки: ФБР, ЦРУ, профсоюзы, охваченные рэкетом, и преступный мир, олицетворяемый Хоффой, Джиаанканой, Граффиканте. Гангстерские компоненты, являясь невидимой силой в американской жизни, скрытно просочились в более видимую сферу власти и теперь вместе образуют «невидимую империю». Они выступают в союзе с различными частями «невидимого правительства» (ЦРУ.— Прим. авт.)».

Стан ультраконсерваторов не могло не переполошить и то, что, начав целеустремленную политическую кампанию за овладение Белым домом, Роберт Кеннеди брал на вооружение все больше и больше лозунгов либералов. Лидером и идеологом либеральной части демократической партии долгие годы являлась жена, а затем вдова Франклина Делано Рузвельта — Элеонора Рузвельт. Ее сын Франклин Делано Рузвельт-младший утверждал, что на последнем этапе своей жизни сенатор стал «факелоносцем» всего, за что всю жизнь боролась Элеонора Рузвельт.

Показательно, однако, что ни Теодор Уайт в цитируемой выше книге, ни историк, близко знавший сенатора, Артур Шлезингер в его 1044-страничной монографии «Роберт Кеннеди и его эпоха», увидавшей свет в 1978 году, не упоминают даже по имени Сирхана Сирхана. Это не забвение, а скорее продуманный способ показать, что Сирхан был лишь механическим исполнителем чьей-то воли, избранным специально для того, чтобы придать ложный «символический» смысл «ассэссинэйшн», увести расследование в сторону. Настоящие же убийцы остались за дверями суда, разбиравшего дело Сирхана. Они пребывают в тени истории или, точнее, в темных «подземных» стремнинах.

«БЕЗЖАЛОСТНЫЙ БОББИ»

Сказать, что родные братья Джон и Роберт Кеннеди были связаны кровными узами, помноженными на различные черты ирландского характера и прежде всего на традицию примата семейного долга, — это лишь повторить хорошо известный факт их биографии. С 1956 года, когда 31-летний Роберт руководил на съезде демократической партией наскоро сымпровизированной кампанией по выдвиже-

нию Джона кандидатом в вице-президенты, политические планы и расчеты братьев становятся фактически нерасторжимыми. Успех одного расценивался как неотъемлемая часть триумфа другого, неудача делилась пополам. Друзья одного из братьев были друзьями другого, враги каждого из них становились общим «приобретением» обоих.

Джон и Роберт Кеннеди, допуская и даже предчувствуя возможность покушения на них, говорили об этом во множественном числе. Летом 1963 года президент вывел Мартина Лютера Кинга из своего рабочего Овального кабинета в Розовый сад Белого дома и, предупреждая его быть осторожным и не давать повода своим врагам, среди которых он имел в виду в первую очередь директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера, говорил ему: «Если они подстрелят вас, они подстрелят также и нас». Роберт Кеннеди, когда ему сообщили об убийстве старшего брата, находился в своем поместье под Вашингтоном Хикори-хилл. Отойдя к плавательному бассейну со своим пресс-секретарем Э. Гутманом, Роберт промолвил: «Я думал, что они прикончат одного из нас, но Джон после всего, что он пережил в жизни, не боялся этого... Я думал, что жребий падет на меня».

И все же Роберт Кеннеди не был, как некоторые считают, лишь тенью своего старшего брата. И враги у них до поры до времени были не все общие. У Роберта их было больше, их неприязнь к среднему из братьев Кеннеди превосходила обычные чувства соперничества, зависти, вражды, наполняющие постоянно коридоры власти в федеральной столице. Американские историки, ища ответы на вопросы, порождаемые загадочным убийством сенатора в ночь с 4 на 5 июня 1968 года в отеле «Амбассадор», стараются осветить лучом прожектора все детали, связанные даже отдаленно с легендой о «безжалостном Бобби»*.

Бобби был самым набожным среди братьев — Джозефа, погибшего в годы второй мировой войны, Джона и Эдварда (Теда, или Тедди). Роберта опекала мать, определившая его одного из всех сыновей в специальную католическую школу, что вызвало неудовольствие отца, опасавшегося, как бы один из его парней «не загремел» в прелаты. В ирландской католической семье Кеннеди источником силы считался клан, крепость клана зиждилась на успехах его членов. Роберт довольно болезненно воспринимал хмурые взгляды отца в свою сторону.

Потом он будет говорить, что у него всегда звучит в ушах часто слышанное в детстве наставление отца: «Мы не хотим иметь здесь потерпевших поражение, в этой семье мы хотим иметь победителей... Не приходите на финиш вторыми или третьими — это не в счет, — только побеждайте».

* Бобби, Воб — сокращенные имена Роберта.

Сколотив крупное состояние на торговле шотландским виски, недвижимостью, биржевых операциях, Джозеф Кеннеди стал к 1926 году миллионером, а затем, несмотря на великий кризис, и мультимиллионером. Он мог позволить себе поэтому поучения такого рода: «Мера успеха человека в жизни измеряется не количеством денег, которые он сделал... Для американца ирландского происхождения более эффективным путем к власти служит политика, нежели деньги».

Культ власти, основанной на ключевых позициях в федеральном правительстве, не мог не заразить подраставших парней. Джозеф Кеннеди, пристально анализировавший великий кризис конца 20-х — начала 30-х годов, служил Рузвельту по убеждению. Он написал книгу, в которой высмеивал «безумнейшую в истории ненависть» большого бизнеса Америки к Рузвельту. Среди тех, кто его особенно ненавидел, были лица, состояния которых были умножены деятельностью Рузвельта. Главная идея книги заключалась в том, что Рузвельт спас капитализм в Америке. Несомненно, эти мысли были унаследованы всеми братьями, не прошли незамеченными для них и аргументы отца в пользу рузвельтовских планов «большого правительства».

Проповеди главы клана не замедлили сказаться: братья при первой же возможности окунались с головой в политическую деятельность, которая их сближала еще больше. Роберт поначалу следил лишь со стороны и издалека за жизнью Джона: службой во флоте, ранением, избранием в палату представителей конгресса США. Они по-настоящему сблизились в 1952 году, когда, оставив юридический факультет Вирджинского университета, Роберт взял в свои руки кампанию по выборам Джона в сенат США. В ней обнажились черты характера обоих молодых политиков.

Джон утверждал среди окружающих свою независимость, интеллектуализм, раскованность, взвешенность подхода к принятию решений. Роберт полагался на динамизм, энергию, жесткость. В том 1952 году родилась легенда о «безжалостном Бобби». Он выгонял нерадивых политиков, при всей своей щуплости, если верить молве, отпускал замешкавшимся функционерам подзатыльники, которые не сразу забывались.

Но «безжалостность» заслужила Роберту наивысшую похвалу, которую он только мог ожидать. Отец впервые сказал, что «Роберт может ненавидеть, как и я», и потому похож на него больше других сыновей. Джон Кеннеди также сделал выводы из закончившейся триумфом кампании: в американской политике наивысшее значение имеет партнер, на которого он мог бы абсолютно положиться и с точки зрения лояльности и с точки зрения приносимых им результатов. И еще один урок дала эта кампания: клан не жалел денег, создавая комитеты, организации, движения. Клан знал, что ни один цент не будет потрачен зря, ибо деньгами распорядился Бобби, больше всего ненавидевший швырять деньги на ветер.

Преклонение перед отцом не мешало Джону и Роберту занимать позиции, которые не всегда совпадали со взглядами главы клана. Джозеф Кеннеди выступил против «доктрины Трумэна», против глобальной экспансии и вмешательства в дела других стран, против политики «холодной войны», направленной против Советского Союза и других социалистических стран. Его окрестили неоиоляционистом за призывы уйти из Южной Кореи, из других стран Азии, Западной Европы, прекратить помощь французским колонизаторам в Индокитае. В условиях существования атомного оружия Джозеф Кеннеди считал разумным путь отказа от войны как средства разрешения международных споров.

Джон Кеннеди, наоборот, был горячим сторонником «доктрины Трумэна». Роберт публиковал в конце 40-х годов в солидных бостонских газетах статьи, доказывая исподволь необходимость для США оказать «сопротивление» социализму.

Занимая довольно несхожие позиции с точкой зрения отца, его сыновья руководствовались отнюдь не ребяческим желанием проявить свою независимость. Американские историки не берутся утверждать, насколько глубоки были антикоммунистические убеждения братьев в тот период времени. Но совершенно ясно одно, что по политическим расчетам они сочили выгодным для себя внести свою лепту в официальный реакционный курс и в неофициальную антикоммунистическую кампанию, подогревавшуюся прежде всего комиссиями конгресса. Такое решение не было чем-то из ряда вон выходящим. Например, конгрессмен Ричард Никсон лез в те годы из кожи вон, чтобы прославиться на попроще расследования антиамериканской деятельности, проводившегося палатой представителей конгресса. Никсон, почитавший в студенческие годы таких столпов американского либерализма, как Авраам Линкольн, Франклин Делано Рузвельт, сенатор Лафоллет, совершил поворот на 180 градусов и теперь уже заделался ярым почитателем главаря американских ультраправых, сенатора-республиканца от штата Висконсин Джо Маккарти. С помощью Маккарти не один Никсон наживал «на всякий случай» политический капитал определенного свойства. Проработав недолго после окончания Вирджинского университета в министерстве юстиции, Роберт Кеннеди был принят в штат юрисконсультов и следователей сенатской постоянной подкомиссии по расследованиям, во главе которой стоял Джо Маккарти. Это было в начале 1953 года.

Задачей сенатской подкомиссии в тот период времени было гонение коммунистов, всех левых и либералов, заподозренных в «прокоммунистических симпатиях». Роберт, как говорится, душой и телом отдался новой работе. Когда спустя 10 лет Роберта Кеннеди попросят объяснить его рвение, он ответит:

«В то время я искренне верил, что существует серьезная угроза внутренней безопасности Соединенных Штатов; мне казалось, что Джо Маккарти был единственным человеком, кто противился этой угрозе... Но я был не прав».

Хотя прозрение было и запоздалым, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. И все же многие либералы, не говоря уже о прогрессивных американцах, не могли никогда забыть Роберту Кеннеди его маккартистские эскапады.

Старший брат, сенатор Джон Кеннеди, хотя и не выступал против Джо Маккарти, чтобы не испытать на себе жалающий демагогический язык последнего, старался держаться от него на расстоянии. Отец Кеннеди позволял себе в открытую одергивать маккартистов, но за кулисами именно он просил бесноватого сенатора сразу же сделать Роберта главным советником подкомиссии.

Похоже, что все трое Кеннеди вели искусную игру. Джон сохранял позу «умеренного» центриста. Кеннеди-старший, который отошел от активной политической деятельности и вновь принялся делать деньги, признавая, что ему никогда так не везло, как после войны, мог позволить себе публичные выступления в поддержку либералов Г. Уоллеса и Э. Стивенсона. Он сохранял, таким образом, для клана нити связей с либеральным рузвельтовским крылом партии в момент, когда Роберт стал своим среди консерваторов.

Три кита американской политики — консервативный, «умеренный» и либеральный, об опоре на которые, если это удастся одновременно, мечтает каждый американский политик, помогли Джону Кеннеди в 1960-м, когда он вел схватку за Белый дом.

Но, возвращаясь к годам Роберта в постоянной сенатской подкомиссии по расследованиям, следует сказать, что общенациональную известность (ведь многие слушания подкомиссии транслировались по телевидению) ему принесла не «охота за ведьмами», как окрестили гонения инакомыслящих, а борьба с коррупцией в правительстве и профсоюзной верхушке. К прозвищу «безжалостный» у Бобби Кеннеди добавляется новый эпитет — «инквизитор». Выведя на чистую воду министра ВВС США, 67-летнего бизнесмена Гарольда Талбота, использовавшего служебное положение для умножения прибыли компании, в которой министру принадлежала половина акций, Роберт Кеннеди добился в 1955 году его отставки, как тому ни противился сам президент Эйзенхауэр. «Безжалостный Бобби», «безжалостный обвинитель», «инквизитор» — не много ли кличек для 29-летнего служащего сената? Роберт ищет и находит объект расследований, который дал бы ему какую-то респектабельность.

ВНУТРЕННИЙ ВРАГ

Он взялся во многом за беспроигрышное дело, решив вывести на чистую воду давно подозревавшегося прессы в связях с гангстерской мафией профсоюзного босса Джеймса (Джимми) Риддла Хоффы.

В 20-е годы отдельные гангстерские банды создали организованную сеть картелей и синдикатов в Америке, постепенно внедряясь

в законный бизнес. Вся эта практика получила наименование рэкет, а ее действующие лица — рэкетеры. Роберт Кеннеди задался целью на примере Хоффы и его подручных показать наличие рэкета в профсоюзах, его связь с гангстерским рэкетом. Но Хоффа был не простым противником. Беря без стеснения большие суммы из сейфов профсоюза, он поддерживал республиканскую партию и ее кандидатов. Являя собой пример трогательного взаимопонимания между предпринимателями и профсоюзной верхушкой, громогласно объявляя себя сторонником частного предпринимательства, он вместе с тем, будучи ловким социальным демагогом, создавая себе репутацию «рабочего человека», добивался популярности среди рядовых членов профсоюза водителей грузовых машин и складских рабочих (ПВГМСР, или «братства погонщиков мулов», как он назывался в начале века). ПВГМСР насчитывал к концу 50-х годов 1,6 миллиона членов, в его социальных и пенсионных фондах накопилось свыше 250 миллионов долларов, что делало его богатейшим профсоюзом.

Поначалу Джимми Хоффа лелеял мечту обратить Роберта Кеннеди в инструмент своих амбиций. Он подсылал к нему людей, которые подбрасывали Роберту информацию о президенте профсоюза Дэвиде Беке, чьими делишками прежде всего занялась комиссия конгресса по расследованию рэкета (ККР).

В ходе разбирательства вскрылось, что Бек положил в свой карман 370 тысяч долларов из профсоюзных сейфов, брал и не возвращал «займы» от предпринимателей. Данные были переданы в суд, отправивший Бека за решетку.

Успеху слушаний способствовал в огромной степени штат сотрудников, привлеченных Робертом Кеннеди. Среди них были журналисты, которые занимались до этого разоблачением незаконных операций боссов «братства погонщиков мулов», — Пьер Эслинджер, ставший позднее пресс-секретарем президента Дж. Кеннеди, и Эдвин Гутман, занявший такой же пост при сенаторе Р. Кеннеди.

Роберт Кеннеди оказал помощь — пусть даже и косвенную — Хоффе, низведя с пьедестала Бека. На пьедестал взошел Хоффа. Но это не означало, что между Хоффой и Робертом установился мир. Наоборот, между ними вспыхнула война, тянувшаяся до самой смерти Роберта. Ненависть была обоюдоострой, хотя вслух ее выражал лишь Хоффа. Казалось, что при случае он старался подтвердить свое прозвище «свирепый» и припугнуть «этого испорченного мальчишку Бобби».

Но Хоффа был орешек крепче Бека. И доказать нужно было то, что скрывалось наиболее тщательно, — его соучастие в делах мафии, доказать достаточно убедительно не только для членов ККР, но и при передаче дела в суд для членов жюри, которому предстояло решать вопрос о виновности. Хоффа обзавелся самыми знаменитыми защитниками; нанятые им специалисты по связи с общественно-

стью — профессиональные пропагандисты — изображали его как «рабочего человека», преследуемого миллионерами. Трижды жюри отпускало Хоффу (одно в Вашингтоне, два в Нью-Йорке), хотя расследователи показали, например, связь Хоффы с нью-йоркскими гангстерами Джони Дио, Тонни Коралло и другими, которые под видом профсоюзных функционеров руководили семью несуществовавшими местными профсоюзными организациями водителей грузовых машин и складских рабочих в Нью-Йорке. В Детройте Хоффа был связан с крестным отцом мафии города — «автомобильной столицы Америки» — Джозефом Церилли и его подручным Энтони Джиакалоне, выделенным специально для прокручивания рэкета в местной организации № 299 ПВГМСР. Это было широко известно.

Доказать же сотрудничество «рабочего человека» с гангстерами, о чем с возмущением говорили многие рядовые члены профсоюза, оказалось делом непростым. И подтвердилось оно лишь спустя 15 лет, когда соперники Хоффы заманили последнего в ресторан под Детройтом «Красная лиса», чтобы учинить над ним расправу.

Комиссия по этике профсоюзного объединения Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ — КПП) осудила Хоффу за «его якшание с рэкетерами»; исполком АФТ — КПП вывел из объединения профсоюз водителей грузовых машин и складских рабочих. Допросы Хоффы на заседаниях сенатской подкомиссии по рэкету загоняли его в угол, но он не отвечал на них, ссылаясь на плохую память. Показателем эффективности следствия были угрозы, которые раздавались в адрес Роберта Кеннеди, например, плеснуть Роберту кислотой в глаза (анонимный звонок по телефону). Незадолго перед смертью Хоффа вспоминал: «Я чертовски ненавидел проклятого змееныша... У него это превратилось в психическую манию — «сделать» меня любой ценой».

«Рабочий человек» Джимми Хоффа сделал два любопытных признания в различные моменты на исходе своей жизни. В ответ на вопрос журналиста «Плейбой», миллионер ли он, Хоффа ответил: «Еще бы». Объемиста ли папка-досье с его уголовными похождениями, спросили его. И опять тот же ответ: «Еще бы» — и выразительный жест левой рукой от ладони до плеча правой руки.

Сенатская комиссия по рэкету установила, что Хоффа вытравил демократические нормы и принципы в своем профсоюзе, приказывал избивать и даже убивать профсоюзных «мятежников», прикарманил до 10 миллионов долларов, расставил на ключевых постах в профсоюзе гангстеров, чтобы укрепить свой контроль, незаконно влиял на судебные процессы, чтобы избежать наказаний, и т. п.

Среди нью-йоркских профсоюзных организаторов-функционеров, назначенных на эту должность Хоффой, был Барни Бейкер. Появление Бейкера — верзилы под 2 метра и весом около 140 кг — на слушаниях в ККР имело неопишуемый эффект. Выяснилось, что он

дважды и подолгу сидел в тюрьме. По совместительству со своими профсоюзными «обязанностями» он выполнял роль сборщика гангстерских податей для нескольких шаек Нью-Йорка, руководимых Мейером Ланским, Багси Сигелом, Джо («красавчиком») Адонисом. «Не беспокоит ли вас, мистер Хоффа, что вы прибегаете к услугам такого человека?» — спросил Роберт Кеннеди. «Это меня ни капли не беспокоит», — ответил Хоффа. Случайно или нет, но через несколько лет Бейкер окажется в Далласе в компании людей, сотрудничавших с Хоффой, — переехавших туда из Чикаго гангстеров Пауля (Ред) Дорфмана и Джека Руби. Эту троицу — Бейкера, Дорфмана и Руби — часто видели вместе в ноябре 1963 года незадолго до расправы там над Джоном Кеннеди.

Близким другом Хоффы был и крестный отец чикагской мафии Момо Салваторе (Сэм) Джиянкана, который стремился создать фасад респектабельности для своих темных делишек. Он выдал дочь за помощника конгрессмена Роланда Либонати, что сразу же превратило законодателя в ревностного защитника Джимми Хоффы. Джиянкана вращался в кругу кинозвезд, дружил со знаменитым певцом и актером Фрэнком Синатрой.

В течение года он ускользал от Роберта Кеннеди, избегая настойчивых приглашений появиться в ККР. Наконец, в начале июня 1959 года, дав присягу в комиссии по рэкету, что будет говорить правду, он увертывался от десятков вопросов, которые сами по себе показывали, что штат Роберта Кеннеди располагал солидными данными о гангстерской империи.

Спустя 15 месяцев после бесплодного допроса Джиянканы ЦРУ пригласило его для участия в своих операциях по убийству Фиделя Кастро. Есть доказательства того, что директор ЦРУ Аллен Даллес лично утверждал кандидатуры Джиянканы и вскоре Сантоса Траффиканте — босса мафии из Флориды для участия в этом преступном замысле. Неразборчивость ЦРУ, не посмотревшего на то, с каким отъявленным бандитом (это ясно показал допрос Джиянканы) оно вступает на путь сотрудничества, имеет историческую «ценность». Оно разоблачает тех американских авторов, которые тчатся доказать, что именно братья Кеннеди благословили ЦРУ на использование гангстеров. Сделать это они не могли по двум причинам. Они еще не были у власти, и ЦРУ им не подчинялось.

Оба выступали против рэкета. Их тревожило то, как бы преступный мир не захлестнул «добропорядочный капитализм», им отнюдь не импонировали методы Хоффы, наемники которого типа Барни Бейкера «убеждали» быть сговорчивыми не только профсоюзных деятелей, сторонившихся рэкета, но и предпринимателей, бизнесменов, мелких и средних банкиров. Доказывая необходимость решительной борьбы с организованными преступниками, Роберт повторял: «В противном случае они уничтожат нас».

«Сегодняшние гангстеры,— писал он в конце 1959 года в книге «Внутренний враг», окрестив так организованную преступность,— сильны как никогда в истории страны. Они контролируют политических деятелей и угрожают целым общинам. Они протянули шупальца коррупции и угроз в большой и малый бизнес. С каждым днем они становятся сильнее».

Объясняя один из замыслов своей книги сценаристу Б. Шульбергу, взявшемуся работать над экранизацией «Внутреннего врага», Р. Кеннеди говорил: «Я писал последние страницы очень тщательно — я не хотел, чтобы книга производила впечатление атаки на какого-то отдельного человека или отдельный профсоюз. Таких людей, как беки или хоффы, порождает общество. Я не знаю, как вы сможете это передать в кино, но мне кажется, что это должно быть единственной реальной целью картины».

Роберту понравился сценарий, он уже был к тому времени членом правительства и не возражал против съемок, как вдруг кинокомпания «Твентиз сенчури-Фокс» и «Коламбия» получили угрожающие анонимные письма. Смелых продюсеров в Голливуде не нашлось, с мафией и Хоффой шутки были плохи, и сценарий полетел в корзину.

В результате слушаний и выхода книги к Роберту Кеннеди пришла национальная политическая слава. Через год, когда победа на выборах вознесла его старшего брата в Белый дом, эта слава стала удобным оправданием предлагать Роберту, руководившему президентской избирательной кампанией, практически любой пост в правительстве. Они порешили на министре юстиции, и вновь его пути пересеклись с Джимми Хоффой и организованной преступностью, однако на этот раз Роберт Кеннеди располагал не полудюжиной следователей-любителей, а внушительным аппаратом, и вопрос заключался лишь в том, сможет ли он заставить этот аппарат работать после стольких лет бездействия в отношении мафии.

Директор Федерального бюро расследований (ФБР) Эдгар Гувер ссылаясь на то, что у него не было законодательных полномочий вести борьбу с организованной преступностью. Всю энергию, всю мощь политической охраны он бросил на борьбу с компартией, прогрессивными группировками и всеми либеральными движениями, заподозренными в том, что их коснулась... «марксистская зараза». Но отговорки относительно отсутствия законодательных полномочий были не просто отговорками, но и ложью: еще в 1934 году конгресс США принял закон, позволявший ФБР, если бы оно захотело и могло, воевать с преступными картелями.

ФБР не только не хотело бороться с организованной преступностью, оно мало что знало о синдикатах наркотиков, проституции, незаконных тотализаторов на ипподромах и незаконных рулеток в казино и т. п. И опять та же отговорка у мистера Гувера: нет законодательного разрешения собирать соответствующую информа-

цию. Это не мешало лично мистеру Гуверу брать сведения о махинациях преступного мира на скачках, которые были его слабостью, от самих... мафиози. Да, он знался с букмекерами из нью-йоркского синдиката преступности.

Но и это не все. Спустя три года после смерти Гувера журнал «Тайм» опубликовал в декабре 1975 года сенсационный материал о связях покойного директора ФБР с лидерами национальной организации преступности — Мейером Ланским, Фрэнком Костелло, Льюисом Розенстилем и другими. С главарем мафии Нью-Йорка Костелло он встречался в уголках центрального парка этого города.

Первую стычку между Гувером и Робертом Кеннеди выиграл директор ФБР. Он пригрозил уйти в отставку, если министр попробует осуществить свою идею о создании национальной комиссии по борьбе с преступностью. Но несколько следующих раундов осталось уже за Робертом, что в совокупности с другими тренингами и разногласиями между ними превращало среднего Кеннеди во «врага номер один» Гувера, каковым он и значился в знаменитом списке самых ненавистных людей, который вел директор охраны.

Чтобы покончить с сомнениями относительно законности борьбы с преступностью и лишить Гувера последнего козыря, Роберт Кеннеди через три месяца после занятия кресла министра направил в Капитолий законопроект, основные положения которого были утверждены в сентябре 1961 года.

Но даже меры министра и конгресса не могли поколебать Гувера. «Чушь, глупости», — с этими словами он похоронил доклад об организованной преступности, который он же поручил подготовить лучшему специалисту ФБР по этой проблеме.

...Джимми Хоффа продолжал ускользать из рук Р. Кеннеди. Был момент, когда свидетели готовы были показать под присягой на суде, что Хоффа предлагал деньги тому, кто подсунет Роберту Кеннеди пластиковую бомбу. Но министр юстиции счел невыгодным для администрации Кеннеди такой сенсационный процесс и велел готовить суд, на котором можно было бы предъявить Хоффе более обычные обвинения.

Хоффу защищали не только высокооплачиваемые адвокаты на суде, но и различные тайные сторонники. Взять хотя бы упоминавшегося Сантоса Траффиканте, который, делая вид, что он добропорядочный бизнесмен, являлся на самом деле крестным отцом мафии штата Флорида. Они были большие друзья, Траффиканте и Хоффа. Беседуя в 1962 году, во время процесса над Хоффой, с кубинским контрреволюционером Алеманом и явно настраивая его в пользу Хоффы и против братьев Кеннеди, Траффиканте, как писала спустя много лет газета «Вашингтон пост», говорил: «Ты видишь, как его брат лупцует Хоффу?.. Запомни мои слова, этот человек, Джон Кеннеди, попал в беду, и он получит по заслугам... Он будет убит».

В период судов подпольная империя Хоффы не прекращала функционировать и расширяться. В калифорнийском местечке Сан-Клементе на пенсионные фонды водителей грузовиков за 27 миллионов долларов был выстроен роскошный клуб «Ранчо ла costa». Здесь Хоффа играл в гольф с заправилами гангстерского мира, распивал с ними виски. Управляющим клуба он сделал Мориса Б. Далитца — детройтского и лас-вегасского гангстера, лишившегося многомиллионных барышей с потерей казино на Кубе. «Тут, в «Ранчо ла costa», они, безусловно, размышляли вслух над тем, что пока Джон Кеннеди оставался президентом, Роберт Кеннеди был неприступен», — пишет Артур Шлезингер в книге «Роберт Кеннеди и его эпоха».

И показательно, что когда был убит Джон Кеннеди, то на вопрос, что он думает по этому поводу, Джимми Хоффа, разгуливавший все еще на свободе, воскликнул: «Теперь Бобби Кеннеди не более чем еще один юрист!»

После долгих проволочек Хоффа лишь весной 1967 года начал отбывать восьмилетнее тюремное заключение. Согласно его биографам, Роберт Кеннеди встретил эту весть загадочно. «Если меня изберут президентом, я его помилую», — сказал он своим близким друзьям.

Стоило ли тратить столько времени и столько энергии, чтобы обмякнуть таким непонятным образом? Объяснения загадке никто не дает. Но, возможно, разгадка проста: не пожалел ли Роберт, что он воевал с Хоффой, мафией, с их невидимыми союзниками и друзьями? Может быть, он считал, что своей борьбой с преступностью накликал беду на старшего брата и что накликает ее на себя и других членов клана?

Конечно, в лице организованной преступности Роберт Кеннеди столкнулся с мощным соперником. И, конечно же, он разъярил ее своими действиями. В 1961 году министерство юстиции добилося признания виновности гангстеров (под разными соусами) на 96 судебных процессах, в 1962 году — 101, в 1963 году — 373 и 1964 году — на 677 процессах. Лидеры мафии, получающей ежегодно десятки миллиардов долларов чистой прибыли, почувствовали, что их колоссальная финансовая империя может дать серьезную течь.

На закрытом заседании специальной комиссии конгресса по расследованию убийств (СКРУ) в конце 70-х годов давал показания глава новоорлеанской мафии Карлос Марчелло. В докладе СКРУ сообщается, что «по ходу своих показаний Марчелло проявил жгучую неприязнь к Роберту Кеннеди». Она имела под собой основу. В 1961 году по приказу министра юстиции этого босса крупнейшей и старейшей в стране мафии депортировали из США. В ходе следствия в Новом Орлеане, проводившемся в 1967—1969 годах окружным прокурором Джимом Гаррисоном, выявилось, что один из главных подозреваемых в заговоре против Джона Кеннеди, Дэвид Ферри, тайно

привез на самолете Марчелло назад в США. Сообщники Ферри также работали на Марчелло. Люди Марчелло были связаны с обвиняемым в убийстве Джона Кеннеди Ли Харви Освальдом и с убийцей Освальда Джеком Руби.

На ферме Марчелло, носившей по странной прихоти название «Черчилль», он в узком кругу выступал с открытыми угрозами в адрес Джона и Роберта Кеннеди, приговаривая сицилийское изречение: «Выньте камень из моего башмака». В тот вечер, когда Марчелло, рассвирепевший, повторял, что президент будет уничтожен, на ферме «Черчилль» находился осведомитель ФБР. Но ФБР не потрудились расследовать эту угрозу или сообщить о ней министру юстиции. О свидании мафиози на ферме «Черчилль» было доложено Гуверу, но об этом, как подчеркивает доклад СКРУ, не стало известно никому, кого это касалось. «Марчелло сделал также все, чтобы этот инцидент исчез из досье и архивов ФБР», — добавляют составители доклада.

С учетом всей этой загадочной и других таинственных историй, в которых пути мафии и братьев Кеннеди перекрещивались то прямо, то косвенно, СКРУ подвергла критике Комиссию Уоррена за то, что она не изучила в достаточной мере «злое, граничившее с угрозами физических расправ отношение могущественных деятелей из организованной преступности к президенту и министру юстиции Роберту Кеннеди, их возможности совершить убийство (мердер), включая политическое убийство (ассэссинэйшн), их вероятную связь с Освальдом через общих знакомых или его родственников» *.

САМЫЙ НЕНАВИСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Гувер невзлюбил Бобби еще в годы слушаний в сенатской комиссии по ракету. Он не отвечал на запросы молодого советника и ничем ему не помог в борьбе против мафии на этом этапе. На посту министра Роберт попытался умиротворить Гувера. И не только умиротворить, но и подключить его к планам борьбы против организованной преступности.

Но руководство ФБР испытывало ностальгию по старым добрым временам, когда Гувер правил своим бюро единолично. Ни один министр юстиции до Р. Кеннеди не требовал от него никакой отчетности, не давал ему никаких поручений, ибо Гувер принимал таковые, если ему они нравились, только от президентов. Роберт же был человеком деятельным, властным администратором. Он урезал автономию ФБР внутри министерства юстиции. Переписка с Белым домом, которая раньше шла у ФБР напрямую, теперь должна была проходить через министерство.

* Имеется в виду дядя Освальда по линии матери Чарльз «Датч» Мюррет, который жил в Новом Орлеане и был связан с мафией Марчелло.

Братья Кеннеди терпеть не могли Гувера. Знали они или же догадывались, что скрывается за этой монументальной внешностью бульдога с квадратной челюстью? Через несколько лет после смерти пожизненного холостяка Эдгара Гувера станут известны достоверно и подробно его неопишуемая жадность, пристрастие к взяткам, мстительность. Он держал во власти вашингтонскую элиту благодаря колоссальной энергии, которую тратили его агенты, чтобы добывать об этой самой элите порочащую информацию интимного свойства. Короче, он был отменным шантажистом, жившим сплетней, носившим с гордостью маску «национального героя» и кумира консерваторов, их идеолога, выпустившего под своей фамилией написанные для него в отделе пропаганды ФБР пару антикоммунистических пасквилей.

Страницы биографий Роберта Кеннеди и Эдгара Гувера полны серьезных эпизодов и курьезов, показывающих их «скептическое» отношение друг к другу.

Трудно сказать, что больше шокировало Эдгара Гувера — непривычная для него «навязчивость», с которой Роберт тянул его на борьбу с организованной преступностью, или «слабость» братьев к либералам, или же безразличие братьев к донесениям Гувера о ночных похождениях по салонам и более значным местам вашингтонских сенаторов и сановников. Его покорило, что президент Джон Кеннеди перепоручил выслушивать все эти «доклады» одному из своих помощников. Однажды Гувер повторил свой вопрос, как же все-таки прореагировал президент на то, что одному из его послов пришлось ретироваться от своей любовницы голым по водосточной трубе. Директор ФБР раскрыл рот, когда он услышал, что президент дал указание государственному департаменту подбирать более сноровистых послов. Гувер не понял шутки и продолжал донимать Белый дом всем, что удалось подглядеть его осведомителям через замочную скважину.

Чем же все-таки был «дорог» Гувер братьям? Почему они не отправляли его в отставку?

Историческая аналогия — вещь в определенной мере условная, но все же вспомним Жозефа Фуше, вкрадчивого человека, которому Наполеон Бонапарт также не доверял и испытывал что-то близкое к отвращению. Фуше создал еще при Директорате огромную машину полицейского сыска. (А кстати, кто создал ФБР? По иронии судьбы оно было задумано и создано в начале нынешнего века министром юстиции США Чальзом Джозефом Бонапартом — внуком Жерома, брата Наполеона.) Бонапарт ожидал и предвидел от Фуше козни, подвохи, удары в спину, но он назначил его министром полиции. Он терпел его потому, что чувствовал себя сильнее опасного Фуше, и потому, что над Фуше был поставлен младший брат Наполеона — министр внутренних дел Люсьен Бонапарт. Задачи борьбы против противников самых различных спектров — от роялистов до якобинцев — повелевали братьям Бонапартам укреплять и делать все более разветвленной полицию.

Итак, главное, почему братья Кеннеди держали Гувера, заключается в том, что им нужен был полицейский репрессивный аппарат, возглавляемый человеком, внушавшим страх и ужас в стране.

А что касается Гувера-сплетника, то это была не главная его роль, а скорее маскировочная, чтобы притупить бдительность и обезоружить показным болванством. Ведь в таком маскараде легче плести не только маленькие, но и большие интриги, легче точить нож для удара в спину.

Гувер знал историю Фуше, знал также и то, что против Кеннеди ему бороться труднее, чем попу-расстриге, ставшему гонителем церкви, бывшему главарю террористов, против Бонапарта. Соперничество и готовность подставить друг другу ножку в корсиканском семействе, включение в интриги против Наполеона его министров и даже братьев, супруги Жозефины — обо всем этом Гувер мог лишь мечтать. Ирландский клан Кеннеди представлял собой прямую противоположность: Гувер понял, что никакого, даже маленького клина ему между братьями не вбить. Министры также были подобраны братьями Кеннеди, и ставка на сколачивание оппозиции была заведомо бита. Единственным, кто весьма благосклонно продолжал выслушивать наветы Гувера на «королевскую семейку», был Линдон Джонсон, который не мог простить Роберту Кеннеди то, что последний отговаривал своего брата от приглашения техасского сенатора на роль вице-президента.

Как и Линдон Джонсон, Гувер был нужен братьям Кеннеди в силу своего консерватизма, чтобы сохранить за собой на выборах голоса консервативно настроенных избирателей, чтобы не было подозрений к Белому дому и администрации со стороны консервативных законодателей, бизнесменов, банкиров, фермеров.

Братья Кеннеди надеялись, что, балансируя с помощью отчетливо видимой «системы качелей» то вправо (Гувер и Джонсон на своих постах), то влево (либералы в их окружении), они сумеют удержаться у власти. Роберт Кеннеди вновь повторял: «Было важно сохранить его (Гувера) на нашей стороне и сделать так, чтобы этот человек-символ чувствовал себя счастливым. Ведь президент одержал победу с таким незначительным перевесом. К тому же он заправлял мощным сыскным агентством. Поэтому было лучше, чтобы он работал не против нас, а на нас».

Неприязнь Гувера к Роберту Кеннеди не утихла, несмотря на все заигрывания. Роберт допустил неосторожность: он говорил вслух, что терпит своего нынешнего директора ФБР лишь до выборов 1964 года и что после них отставка тому гарантирована. Подобные разговоры не могли не дойти до слуха директора, и понятно, какую реакцию они вызывали.

Во всяком случае они не вызывали у него стимула помогать братьям в уже начавшейся в 1963 году борьбе против наиболее вероятного кандидата республиканской партии на президентских

выборах 1964 года — сенатора Барри Голдуотера. Генерал-майор ВВС США в отставке, владелец ранчо в юго-западном штате Аризона, Голдуотер был самым ультраконсервативным претендентом на Белый дом. Его называли «неандертальцем», «суперястребом» и т. п. Но в тот период времени широкой публике было невдомек, что в дополнение ко всему Голдуотер — в какой-то мере креатура организованного преступного мира.

Лишь в конце 70-х годов вскроется, что штат Аризона был превращен в мощный центр организованной преступной деятельности, влияние которого распространилось на все Соединенные Штаты. Следы от мафии вели, в частности, к сенатору Барри Голдуотеру, его брату Роберту, мультимиллионеру, а также их близкому другу, ювелиру и бизнесмену Гарри Розенцвейгу, который до 1972 года возглавлял в Аризоне партию республиканцев. Голдуотер получил существенную помощь в начале своей политической карьеры от Вилли Биоффа, компаньона Гаса Гринбаума, «короля организованной преступности Аризоны». Гринбаум является одновременно другом Барри Голдуотера.

Все эти «проделки» ультраконсерватора Голдуотера не могли быть секретом для Гувера даже при той странной аллергии, которую он испытывал ко всякого рода деяниям мафии.

В который раз самым неожиданным и замысловатым образом переплетаются пути политиков и преступников в Америке. Джимми Хоффа — Джон Кеннеди, Роберт Кеннеди — Карлос Марчелло, Эдгар Гувер — Мейер Ланский, Барри Голдуотер * — Гас Гринбаум и т. д.

Выстрелы, сразившие президента Дж. Кеннеди в ноябре 1963 года, расстроили план смещения Гувера. В 1964 году журналист Энтони Льюис спросил Роберта Кеннеди, считает ли он Гувера неприятным, зловонным человеком или же по-настоящему опасным лицом. «Нет, — ответил бывший министр юстиции, — я думаю, что он опасен».

В свою очередь, Гувер признавался начальнику полиции Атланты Герберту Дженкинсу: «Больше всех в мире я ненавижу троих: Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и бывшего агента ФБР Куинна Тамма».

Невозможно поверить в то, что убийцы президента не знали о чувствах Гувера к братьям Кеннеди. Гувер, как свидетельствуют некоторые документы, знал и скрыл от секретной службы по охране президента, что в Далласе готовилось покушение. После убийства президента Гувер позволил себе маленькую месть: он ледяным тоном сообщил об этом Роберту, а потом вообще игнорировал министра. Но ограничилось ли дело лишь этой маленькой мстью? История пока не дает прямого ответа, но косвенные свидетельства указывают на то, что Гувер вполне мог приложить руку и к большой мести в отношении Роберта Кеннеди, как и Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга.

* С января 1981 года Голдуотер — председатель комиссии сената по делам разведки.

Во всяком случае, заместитель директора ФБР Клайд Толсон, которого за близость к директору величали «близнецом» Гувера, в год убийства Роберта Кеннеди говорил о нем: «Я надеюсь, что кто-нибудь выстрелит в него и убьет этого сукиного сына».

Слышавший это высказывание другой заместитель директора ФБР, Уильям Салливан, позднее меланхолично заметил: «Трудно сказать, что было у него (Толсона) на уме».

У Дж. Эдгара Гувера, писал один из его биографов, были инстинкты белого расиста, который вырос в Вашингтоне, когда это был все еще типичный южный город Соединенных Штатов. Он особенно любил отпускать скабрёзные шуточки в адрес черных женщин.

«Внутри его ведомство сохраняло цвет белых лилий. Политические причины и расовые предрассудки подтолкнули Гувера отключить ФБР почти полностью от каких-либо расследований, касавшихся нарушений различных гражданских прав американских негров». Так писал публицист С. Унгар в книге «ФБР», подчеркивая, что в южных штатах ФБР и местная полиция были врагами движения негров за человеческие права.

Пребывая в состоянии расистского шовинистического угара, мракобесы типа Гувера и «средние» американцы на Юге либо не могли, либо не хотели понять смысл стратегии братьев Кеннеди, которые вслед за десегрегацией автобусов (и то не всех, а только идущих из одного штата в другой), поездов, самолетов, приступали к десегрегации избирательных участков, а не жилья, например, как того требовали прежде всего черные американцы. Они не видели или не хотели видеть, что братья старались сдержать движение, сократить и свернуть вообще митинги, протесты, марши свободы. Кеннеди боялись перерастания этих форм сопротивления в активную наступательную борьбу, которая затронула бы не только моральные, нравственные устои расизма, но и экономическую эксплуатацию миллионных негритянских масс.

Чувства антагонизма в отношении братьев достигали высшей точки кипения по мере того, как негритянское движение за гражданские права стремилось взять новые барьеры, стоявшие на пути равенства, втягивая в борьбу министерство юстиции. «Я надеюсь, — сказал мэр Бирмингема Артур Хэйнс, предварительно обругав публично Роберта Кеннеди, — что он захлебнется в крови, которая пролилась в нашем городе, и таким путем найдет себе смерть».

Взрывоопасные проблемы внутренней политики, которыми занимался Роберт Кеннеди, наложили отпечаток на его отношения с определенными группами политических деятелей. В ряде случаев они оказались серьезно подпорчены, тактика и методы Роберта Кеннеди пугали их сверх меры.

Гувер и его единомышленники боялись потерять власть над «невидимой империей», как называли в те годы ФБР и подвластную

ему полицейскую сеть во всех штатах. Южный расизм, в котором Роберт Кеннеди узрел черты гитлеровского фашизма, напоминал раненого зверя, изготовившегося показать всю силу своих клыков и когтей. Мафия, национальный синдикат преступности жужжали, как развороченные ульи пчел, способных смертельно жалить.

В такой ситуации возникает вопрос: если одна из этих групп или комбинации групп решили уничтожить одного за другим двух братьев Кеннеди, носило ли их решение принципиально политический характер, или же было тем, что называют сведением счетов? Было ли оно запланированным, целеустремленным, или роковым, неизбежным и где-то случайным, как утверждают некоторые в США? Нам кажется, что если оно и выглядело случайным, то лишь только потому, что планировавшие оба убийства хотели, чтобы таковым оно врезалось в память современников и от них перешло в таком виде, как по эстафете, к следующим поколениям. Думается также, что правы те американские историки и независимые расследователи, кто не исключает участия в «преступлении века» в Далласе и в его лос-анжелесском повторении ни ФБР, ни южных расистов, включаемых ими в более широкую категорию «ковбоев» (ультраправых фанатиков), ни мафии. И конечно же, ЦРУ, к чему мы подходим в нашем рассказе.

ПАУТИНА ИНТРИГ

Широко известный факт: ЦРУ мстило братьям Джону и Роберту Кеннеди и продолжает мстить им в могилах. Официальной пропаганде не удалось вытравить из сознания многих американцев их убежденность, что ЦРУ приложило руку к убийству президента. Джим Гаррисон, окружной прокурор Нового Орлеана, считал *весьма вероятным*, что определенная клика в ЦРУ, несущая ответственность за убийство президента, повинна и в расправе над Робертом Кеннеди.

Вот отрывок из беседы Гаррисона с публицистом П. Фламмондом. Гаррисон: «Часто люди работают на ЦРУ и не знают этого. Например, человек может думать, что он работает, скажем, на движение «Арабы за мир во всем мире» (намек на Сирхан Сирхана.— *Прим. авт.*), а на самом деле он финансируется ЦРУ и контролируется ЦРУ, и ему могут внушить какой-нибудь мотив для убийства... Если бы Роберт Кеннеди потерпел поражение на первичных выборах в Калифорнии, он был бы жив сегодня; своей победой он стал на пороге превращения в самого крупного политического деятеля Америки с отличным шансом выйти в президенты».

Фламмонд: «У вас нет сомнений, что он (Роберт Кеннеди) заново открыл бы все дело об убийстве (Джона Кеннеди)?»

Гаррисон: «У меня нет никаких сомнений на этот счет. И тот факт, что его убрали так стремительно, свидетельствует о крайней

жестокости какой-то клики внутри ЦРУ. В том, что касается Роберта Кеннеди, у нее не было альтернативы. Я уверен, что они неохотно, но вынужденно пошли еще на одно убийство. Однако они не могли рисковать, допуская, чтобы он стал президентом».

Ведь эта клика знала, что после выстрелов в Далласе Роберт без обиняков спросил директора ЦРУ Маккоуна, «не ЦРУ ли убило президента». Читатель, наверное, согласится, что один лишь этот вопрос означал многое. Маккоун заверил Роберта Кеннеди, что ЦРУ здесь было ни при чем. Тем не менее президент Линдон Джонсон в 1967 году высказал заместителю директора ФБР К. Делочу свое «убеждение», что ЦРУ было «как-то замешано в этом заговоре». Об этой убежденности Джонсона впервые сообщила газета «Вашингтон пост» в номере от 13 декабря 1977 года.

Согласно американским авторам, ЦРУ, не брезгуя «никакими целями и порами», внедрялось и в ФБР. Гувер это знал и якобы брыкался руками и ногами, но в конце концов, будучи обложен в собственном ведомстве агентурой ЦРУ, смирился с этим. Нельзя поэтому исключать, что ЦРУ приложило руку, чтобы для некоторых Освальд казался лишь орудием ультраправой организации Далласа, а для других — агентом ФБР. То же самое и с Мартином Лютером Кингом: на поверхности дело выглядит так, что расправа над ним была учинена белыми расистами или ФБР, а Джим Гаррисон с его опытом расследования механизма политических убийств настаивал, что Кинг стал жертвой ЦРУ.

В чем с точки зрения разведки были «грехи» Роберта Кеннеди? Начнем с того, что у ЦРУ был мощный союзник, недовольный некоторыми аспектами внешней политики администрации Кеннеди, проистекавшими, по его мнению, из неправильного влияния среднего брата, Роберта, на старшего — президента. Этим союзником был комитет начальников штабов, состоящий из командующих сухопутными войсками, авиацией, флотом и морской пехотой.

Военные и ЦРУ затаили плохо скрытую злобу на Джона Кеннеди, когда он не разрешил флоту и авиации США активно поддержать в апреле 1961 года организованное ЦРУ с помощью комитета начальников штабов вторжение на Кубу бригады наемников. Пентагон решил, что второй случай нанести удар по Кубе и уничтожить «революционную заразу» в 90 милях от берегов США представился осенью 1962 года, во время Карибского кризиса, спровоцированного ЦРУ и военщиной, и за который поначалу с удовольствием ухватились братья Кеннеди. Предлогом послужило наличие на Кубе советского ракетного оружия среднего радиуса действия, предназначавшегося для обороны Острова Свободы.

Белый дом утверждал с голоса разведки, что советские оборонительные ракеты на Кубе якобы носят наступательный характер и представляют для США «нетерпимую угрозу». Президент Кеннеди дал «зеленый свет» на составление планов: 1) бомбардировок

острова (те потребовали сразу же 500—800 бомбовылетов), 2) десанта на остров и 3) военно-морской блокады.

Именно в те дни в американском политическом лексиконе родились слова, которые активно используются и по сей день. «Ястребы» требовали воздушного нападения на Кубу, уничтожения находившихся там ракет. «Ястребом в квадрате» называл себя сам генерал Макусуэлл Тэйлор, председатель комитета начальников штабов. Он допускал даже мысль об использовании ядерного оружия против Кубы.

«Роберт Кеннеди был с самого начала «голубем», — пишет Артур Шлезингер. — Слушая стенания «ястребов», требовавших бомбежек острова, он написал знаменитую записку Соренсену: «Я теперь знаю, что испытывал Тодзио, когда он планировал внезапное нападение на Пирл-Харбор».

«Медные каски» в Пентагоне задело сравнение их планов с ударом японцев по Пирл-Харбору в декабре 1941 года. Более того, откладывая в сторону планы бомбардировок и десанта, президент Джон Кеннеди сказал, что США будут выглядеть в глазах всего мира, как японцы, напавшие на Гавайские острова.

Нужно сказать, что к моменту Карибского кризиса обязанностей у Роберта Кеннеди прибавилось. Так, ему было поручено Джоном Кеннеди негласное наблюдение за ЦРУ, которое вышло из доверия президента после провала вторжения на Кубу за год до этого. Джон Кеннеди явственно ощутил в дни вторжения наемников ЦРУ, что ведомство «плаща и кинжала» располагает рычагами для втягивания военной машины страны в затяжные операции. Он испытывал на себе эти способности Лэнгли * также в Южном Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Конго и других точках планеты.

Порученная Роберту Кеннеди — министру юстиции роль куратора ЦРУ представляла собой уникальное явление в истории разведывательного ведомства. Ни до, ни после этого Центральное разведывательное управление не подвергалось подобной, с точки зрения его столпов, унижительной опеке.

После фиаско в заливе Кочинос на протяжении 1961—1962 годов вплоть до Карибского кризиса в ЦРУ носились с планами организации нового вторжения на Кубу. Майамский центр стал крупнейшей базой ЦРУ в мире. Здесь было 700 агентов, свыше 2000 обученных кубинских террористов, целая флотилия быстроходных судов и многочисленная авиация. Ежегодный бюджет операции «Мангуста», как условно именовалась подрывная война против Острова Свободы, превышал 100 миллионов долларов. Во главе операции был поставлен кадровый американский разведчик генерал Эдвин Лэнсдейл.

* Лэнгли — местечко под Вашингтоном, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

Однако между ним и поддерживавшим его Робертом Кеннеди, с одной стороны, и директором ЦРУ Алленом Даллесом, его заместителем Р. Бисселом, с другой стороны, существовали некоторые расхождения. Первые считали, что уничтожение народной власти на Кубе должно произойти в результате контрреволюции, и на это настраивали руководителей террористических команд. Вторые считали контрреволюцию невозможной и уповали на удушение народной власти извне. В конце осени 1961 г. Аллен Даллес и Биссел были отправлены в отставку, что породило уныние и еле скрываемый ропот среди оставшихся последователей Даллеса в ЦРУ.

Особую антипатию к Роберту Кеннеди питал начальник главного ударного отряда «W», участвовавшего в операции «Мангуста», Уильям Кинг Харвее. Он «страстно и неистово ненавидел Бобби Кеннеди», писал о Харвее в 1976 году на страницах газеты «Вашингтон пост» Дэвид Мартин.

На чем основывалась ненависть? ЦРУ требовало вторжения, считая, что одной из главных тормозящих сил был «негласный инспектор» разведки. Легко себе представить, как поднялось настроение в ЦРУ, когда туда просочились сведения, что на секретных дебатах во время Карибского кризиса у Лэнгли появился мощный союзник — Пентагон, требовавший бомбежки и вторжения.

В те октябрьские дни 1962 года, находясь в США, легко было воочию убедиться, каких масштабов может достигать милитаристская истерия. Американский историк Р. Уолтон называет поведение Дж. Кеннеди в те дни «безответственным и безрассудным в высшей степени». Он думал, продолжает историк, о личном престиже, о том, как бы не потерпеть поражение на промежуточных выборах в конгресс в ноябре 1962 года. И все же если военным не удалось до конца использовать ситуацию и добиться своих целей, то причину этого «медные каски» видели в «интригах Бобби».

Разумеется, биографы Роберта Кеннеди завывают его заслуги в том, что касается внесения элемента трезвости в политику Белого дома. Новое соотношение сил в мире, понимание гибельности для самого американского империализма столкновения с миром социализма, стоявшим на стороне Кубы, неблагоприятная реакция в капиталистических и развивающихся государствах на бряцание Вашингтоном оружием — все эти и другие факторы создали непреодолимое для Белого дома давление в пользу так называемого «среднего курса» действий, за который выступал и Роберт Кеннеди.

Но ни в Пентагоне, ни в ЦРУ не забыли министру юстиции, что он, как заявил один из «ястребов», совал нос не в свои дела.

Политический лексикон обогатился еще одним, ныне широко употребляемым словом, которое было применено в ходе переписки между правительствами СССР и США в дни Карибского кризиса, — «разрядка». Тогда речь шла о разрядке кризиса. Впоследствии, на рубеже 60—70-х годов, стали говорить о разрядке международной

напряженности. С самого начала слово «разрядка» стало ненавистным для Вашингтонских «ястребов» и их союзников в ЦРУ.

После урегулирования Карибского кризиса операция «Мангуста» пошла резко на убыль. Роберт Кеннеди — то сам, то от имени президента — приказывал свертывать налеты катеров из майамского подразделения ЦРУ на суда различных стран, шедших к берегам Кубы. Но налеты продолжались, и ЦРУ уверяло, что оно здесь ни при чем, что это действия «отбившиеся от рук» или вообще не подчиняющиеся ему кубинские эмигрантские группы и организации.

Осенью 1963 года, когда стали просачиваться слухи о сверхсекретных кубино-американских контактах с целью попытаться смягчить напряженность в отношениях между двумя странами, в кубинских эмигрантских кругах США стали поговаривать о необходимости убить братьев Кеннеди. В них видели основное препятствие для реализации мечты гусанос о возвращении на Кубу.

Несмотря на то, что Роберту Кеннеди был поручен надзор над «разведывательным сообществом» и он входил во многие детали кубинской политики, требуя отчета в различных действиях, его держали в неведении относительно попыток, продолжавшихся все годы пребывания у власти Джона Кеннеди, совершить убийство Фиделя Кастро. Ничего об этом не знал и президент. Естественно, вне поля их зрения были и те акции, к реализации которых ЦРУ привлекало гангстеров.

Сначала ЦРУ «вышло» на гангстера средней руки Роселли, хотя и лица доверенного мафии, но исполнителя. Затем оно удостоилось знакомства с одним из главарей чикагской мафии, Сэмом Джианканой. При этом разведка сочла за счастье выполнить просьбы Джианканы «интимного» характера. Он ревновал свою любовницу певицу Филис Макгайр к голливудскому актеру Рэну Роуэну и попросил ЦРУ устроить за ними слежку и подслушивание их комнат в Лас-Вегасе. Джианкана имел «интересы» в батистовской Кубе: торговлю наркотиками, публичные дома, казино. Его партнером по кубинским операциям стал Сантос Траффиканте — босс флоридской мафии. Сей гангстер в отличие от других бандитов был по-настоящему крупной птицей. Он располагал сетью агентов на Кубе, и привлечение его к покушению на Фиделя Кастро считалось большой удачей американских «рыцарей плаща и кинжала».

Версия, с кого и с чего начиналось сотрудничество ЦРУ и гангстерского мира в борьбе против революционной Кубы, в конце 70-х годов обросла некоторыми новыми подробностями.

В июле 1975 года Джимми Хоффа бесследно исчез с поверхности земли (и такой способ расправ практикуется в США). В ходе расследования этого исчезновения бывший мафиози Чарльз Кри-малди, получивший ранее прощение за обязательство выполнять в течение определенного времени роль осведомителя в среде организо-

ванной преступности, сообщил, что Хоффа был «первоначальным связным» между ЦРУ и мафией и что он был ликвидирован, дабы он не проговорился (!) о тайнах этого сотрудничества. «Оказывается, — пишет английский журналист Энтони Саммерс в книге «Заговор», — Роберт Кеннеди... подозревал, что Хоффа приложил руку к трагедии в Далласе». Но как?

В 1975—1976 годах, когда в конгрессе США работали специальные комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов, сенаторы решили допросить и членов антикубинской команды мафии. Неожиданно вдруг сходное желание появилось и у неких правительственных агентов. «Как сообщают, — пишет Э. Саммерс, — Роселли информировал правительство, что его сподвижники по заговорам против Кастро переключились на убийство президента Кеннеди». Вскоре Роселли тоже исчез. В отличие от Хоффы, однако, его труп был найден в бочке в июле 1976 года в майамском заливе. За год до этого был убит Сэм Джанкани. Через несколько дней он должен был давать показания в сенатской комиссии по разведке. Кто-то опасался, что он может сказать лишнее, и решил запечатать ему рот.

«Хранить молчание до последнего вздоха и не говорить ни с кем ни о чем» — с таким устным завещанием жене умер в 1976 году и знакомый уже нам сотрудник ЦРУ Уильям Харвей, возглавлявший аппарат, которому было поручено проводить «операции по уничтожению».

В октябре 1963 года Роберт Кеннеди запросил у конгресса новые полномочия для борьбы с организованной преступностью. Вот к чему это привело, по мнению члена специальной комиссии по расследованию убийств Флойда Файзиана: «У организованной преступности возник практический мотив добиваться быстрого конца администрации Кеннеди... Ибо если бы Джон Кеннеди перестал существовать, то не стало бы дело и за удалением его брата из министерства юстиции... Организованная преступность имела средства убить Джона Кеннеди. У нее был мотив. И она имела возможность».

Она имела также союзника в лице «невидимого правительства» — ЦРУ. Примат разведки в этом союзе был неоспорим так же, как неоспоримой становилась приобретаемая ЦРУ роль опекуна мафии.

Как и в других случаях, Роберту Кеннеди не хватало то ли силы, то ли инстинкта разорвать этот порочный и опасный круг.

Обращаю на себя внимание планомерные усилия ЦРУ, начавшиеся еще в годы, когда был жив Джон Кеннеди, и продолжающиеся поныне, во что бы то ни стало «пригвоздить» братьев к столбу позора, доказать, что они знали и одобряли планы уничтожения иностранных государственных лидеров.

Весной 1967 года вашингтонский «разгребатель грязи» Дрю Пирсон, который порою не брезгал подсовываемой ему сомнительной информацией, писал с чьих-то слов: «Президент Джонсон сидит на

политической водородной бомбе — неподтвержденной докладной, что сенатор Р. Кеннеди мог в свое время одобрить заговор с целью убийства, который как бумеранг, ударил по его покойному брату».

И далее какой-то анонимный источник развивал идею, что «без Бобби» заговор не мог бы сдвинуться с места, что «Бобби стремился отомстить за поражение в Заливе свиней и играл ключевую роль в планировании».

То, что дряхлевший «разгребатель грязи» назвал «бумерангом», послужило вскоре сюжетом для ряда специальных статей и даже книг. В них делались попытки доказать, будто в отместку за покушения на Фиделя Кастро кубинцы организовали убийство Джона Кеннеди. Главным носителем этой насквозь лживой антикоммунистической версии был и остается Джо Эдвард Эпштейн, пишущий явно со слов ФБР и ЦРУ, от которых, судя по всему, почерпнул информацию ранее и Дрю Пирсон. К Эпштейну примыкает и некий английский адвокат, Майкл Эдос, который летом 1980 года затеял подозрительную шумиху, требуя эксгумации Освальда. Он утверждал, что в могиле... никого не окажется или же там будут «останки агента коммунистической державы». а вовсе не Освальда, который, дескать, был на два дюйма выше ростом захороненного «Освальда». Проведенная эксгумация не подтвердила «гипотез» провокаторов.

Большинство независимых расследователей убийства Джона Кеннеди убедительно показывали, что наиболее вероятными соучастниками преступления в Далласе были сотрудники ЦРУ, террористические отряды кубинских эмигрантов и представители мафии, у которых ничего не вышло с планами покушения на Фиделя Кастро и которые решили отомстить президенту за его отход в тот период (им казалось навсегда) от политики активного *военного* давления на Остров Свободы.

В 1980 году эхо обвинения против братьев Кеннеди прозвучало вновь и необычно резко. Дело в том, что незадолго до смерти бывший президент Линдон Джонсон сделал любопытные признания своему бывшему помощнику Я. Джаношу, а тот написал об этом в конце 1972 года в журнале «Атлантик». Оказывается, Джонсон «никогда не верил, что Освальд действовал в одиночку». Когда Джонсон стал президентом, то обнаружил, что «мы содержали проклятую корпорацию «Мердер инкорпорейтед»* в Карибах».

* «Убийство инкорпорейтед», или «Корпорация убийц». Из американских публикаций известно, что Джонсон не сомневался в одном: «Корпорация убийц» — детище ЦРУ. Президент приказал заместителю директора ЦРУ Р. Хелмсу подготовить о ней справку. Хелмсу вручили документ на 125 страниц. Однако Джонсону показали резюме лишь на одну страницу. Кроме Хелмса, содержание справки никому не известно.

Так вот, в 1980 году, незадолго до съезда демократической партии, на котором сенатор Эдвард Кеннеди добивался выдвижения своей кандидатуры в президенты, модный американский журналист весьма правого толка, получив приглашение выступить на страницах модного либерального журнала «Нью рипаблик» (такие метаморфозы сейчас в порядке вещей в Америке), писал, что Джон и Роберт Кеннеди не только дирижировали заговорами с целью убийства Фиделя Кастро, но и принадлежали к «проклятой «Корпорации убийц» в Карибах, о которой говорил Л. Джонсон».

В свое время сам Фидель Кастро в интервью американскому телевидению заявил, что у кубинского правительства нет данных, свидетельствующих о причастности братьев Кеннеди к покушениям на его жизнь. Теперь бывший пресс-секретарь сенатора Роберта Кеннеди Фрэнк Манкевич в письме в журнал «Нью рипаблик» назвал упражнения консервативного журналиста Гэйри Уиллса «дезинформацией», «непристойным пасквилем на мертвых». Да, в США мстят и мертвым, против них плетутся и интриги.

Паутины интриг неперестанно плетутся в Вашингтоне. Белый дом интригует против конгресса, сенат против палаты представителей, ФБР против ЦРУ, Пентагон против государственного департамента.

Задача неофициального контроля над разведкой создала такую же неразрешимую дилемму в отношениях между Робертом Кеннеди и ЦРУ, как и задача официального конституционного контроля со стороны министра юстиции над ФБР. Оба ведомства — ФБР и ЦРУ — просто не привыкли к тому, чтобы их кто-то контролировал.

Во время вторжения в Заливе свиней в апреле 1961 года братья Кеннеди столкнулись со случаями прямого неповиновения, обмана, закулисных маневров ЦРУ. «Я, — говорил президент Кеннеди Артуру Шлезингеру в дни после провала вторжения, — допустил ошибку, поставив Бобби в министерство юстиции. Это потеря для нас. Байрон Уайт мог бы блестяще справиться с обязанностями министра юстиции. Бобби должен быть в ЦРУ... Дьявольски трудно учиться чему-то новому, но я понял одну вещь из всего этого дела, а именно — нам придется заниматься ЦРУ».

У ЦРУ были изъяты тайные «полувоенные» операции. Это было неприятным психологическим ударом по самодовольной разведке. Однако братья Кеннеди не были последовательными. Забрав часть этих операций у ЦРУ в Южном Вьетнаме и передав их там Пентагону, они не тронули инфраструктуру «полувоенных» операций в Лаосе, где около 500 агентов ЦРУ руководили более чем 30-тысячной наемной армией горцев из племени мео.

Самоуверенное «невидимое правительство» было уязвлено, когда сотрудники ЦРУ услышали от министра юстиции, что они не отрабатывают свои зарплаты, что их результаты не соответствуют их расходам.

Поставив под сомнение их профессиональную компетентность, их способности джеймс бондов, им нанесли нестерпимое оскорбление. И они его не забудут никогда ни одному из братьев, ни одному из их ближайших советников.

Вспомнить хотя бы случай с решением только что избранного в 1976 году президентом Джимми Картера выдвинуть на пост директора ЦРУ Теодора Соренсена, вначале ближайшего советника Джона Кеннеди, а затем сенатора Роберта Кеннеди в период его борьбы за Белый дом. Как-то Роберт сказал Соренсену полушутя, полусерьезно, что, связав себя с ним, он взял на себя и все его «грехи». ЦРУ восстало против этой кандидатуры, и под его нажимом сенат вынудил Картера отказаться от своей идеи. Слова Роберта Кеннеди сбылись. Журнал «Тайм», ставя точку над «и», писал: «Соренсен не подошел потому, что он лютый патриот клана Кеннеди, что он требовал умеренной роли для ЦРУ и сокращения его тайных подрывных операций».

Да, братья Джон и Роберт Кеннеди пытались заниматься ЦРУ, пытались взять ведомство «плаща и кинжала» в руки. Но они запутались в паутине интриг ЦРУ, тем более что своей двойственной политикой обновления методов и проталкивания старых целей, они лишь еще больше уплотняли паутину, вынуждали «невидимое правительство» приспосабливаться и отыскивать иные, неведомые еще способы заполнять своими ордами планету и господствовать на Потомаке.

К ЧЕМУ ВЕДУТ РАСКОЛЫ В ОБЩЕСТВЕ

Ни один биограф Роберта Кеннеди не пытался идеализировать его. Не тот, как говорится «строительный материал». Его «жестокость» и «безжалостность», внушаемое им чувство подозрения к себе и консерваторов и либералов хорошо известны. В нем уживались враждебность к коммунизму и реалистическое понимание неизбежности мирного сосуществования двух противоположных общественных систем.

Одному из авторов этого повествования Роберт Кеннеди объяснял свое кредо так:

«Моя жизнь — в политике. В политике у меня нет друзей, а есть только временные союзники».

«Как, неужели у вас нет постоянных союзников?»

«Почти нет».

Но с этим взглядом Роберта Кеннеди на себя, на его отношение к окружающему его политическому миру не был согласен, как это ни

парадоксально, человек, который по идее был действительно вычеркнут всем ходом развития событий из числа друзей сенатора. Речь идет о Юджине Маккарти — основном сопернике Роберта Кеннеди на выборах 1968 г. В ночь на 5 июня 1968 года сенатор Юджин Маккарти говорил о смертельно раненном Роберте Кеннеди:

«Среди тех, кто хорошо знал Роберта Кеннеди и общался с ним за пределами политической арены, он пользовался глубокой и постоянной дружбой. Эти дружеские отношения были отмечены большой теплотой и лояльностью, не знавшими границ возраста и политики. Его лояльность, приверженность, самопожертвование в отношении старшего брата были хорошо известны всем сенаторам и американскому народу. Хорошо был известен и его послужной список после смерти президента Кеннеди, когда он принял на себя уникальную ношу — несение вперед того груза, который был поднят его братом. В том же духе он стал вымерять новые обширные пространства, заполненные нуждой и тревогой».

Друг Роберта Кеннеди поэт Роберт Ловелл выразил это по-своему в посмертном стихотворении. Вот отрывок из него:

Весь роковой ты пропитан борьбою.
Как ею пропитан могучий ваш клан,
Жребий до гроба семейству был дан.
Ради него ты, красивый, бесстрашный,
В утренний час покидал свою башню,
В грязь окунаясь, всегда был ты чист.
Мало мне слов, хоть весьма я речист,
Нужен Плутарх, чтобы петь о тебе,
Вечно присущем в нашей судьбе *.

Роберт Кеннеди вел искусную, можно сказать, даже хитрую борьбу за кресло в Белом доме. Взять хотя бы его позицию в отношении проходившего в 1967 году новоорлеанского судебного процесса, проводившегося Джимом Гаррисоном над обвиненными им в заговоре с целью убийства президента Джона Кеннеди.

В публичных заявлениях Р. Кеннеди отмежевывался всеми силами от Гаррисона. Однако в конце 1967 года независимый расследователь Марк Лейн дал информацию в печать и интервью для радио, из которой явствовало, что Гаррисона навещали в Новом Орлеане «два эмиссара» сенатора Роберта Кеннеди. Они приезжали к нему по отдельности, интересуясь его следствием. Журналисты бросились к Гаррисону. Тот не отрицал фактов, назвав, однако, приезжавших к нему не «эмиссарами», а общими знакомыми. Уже после убийства Роберта Кеннеди Гаррисон сообщил, что они поделились с ним

* Перевод Вадима Ардатовского.

информацией конфиденциального характера. Из нее следовало, что Роберт Кеннеди не верил в вывод Комиссии Уоррена об убийце-одиночке, считал, что его старший брат пал жертвой заговора. В случае, если он стал бы президентом, Р. Кеннеди собирался поддержать расследование Гаррисона или начать свое собственное.

Интересно и другое. Указанный эпизод совпал по времени с периодом очень сложной и нелегкой подготовительной работы, которую лагерь сенатора Кеннеди проводил в преддверии 1968 года — года избрания президента. Но тогда силы реакции были в какой-то мере спокойны, полагая, что ничто не помешает президенту Линдону Джонсону добиться переизбрания. Их в особенности устраивала вьетнамская политика Джонсона, который жал на все педали эскалации войны. В тот момент Роберт Кеннеди, причислявшийся большой прессой к лагерю «голубей» по Вьетнаму, не принимался всерьез как возможный претендент на президентство. По канонам американской политики не подлежало бросать вызов президенту и идти на раскол демократической партии. Эту роль взял на себя «неортодокс» — сенатор Юджин Маккарти.

В ходе «праймериз» (первичных выборов) Роберт Кеннеди начал маневрировать, или, попросту говоря, юлить по вьетнамской проблеме. Чтобы успокоить «ястребов», он сбросил частично «голубиное» оперение, но круги военно-промышленного комплекса и военная партия в ЦРУ не поверили этим метаморфозам, будучи убеждены, что, став президентом, Р. Кеннеди пойдет на дэскалацию войны в Индокитае.

Курс правящих кругов США в регионе Юго-Восточной Азии прокладывался на первом этапе, главным образом, ЦРУ и военной разведкой, а затем более полумиллионным экспедиционным корпусом Пентагона, поддерживаемым авиацией и флотом. Свою роль сыграла здесь и личная заинтересованность руководителей разведки. Их будоражила перспектива открытия огромных залежей нефти в прибрежных водах Южного Вьетнама и Камбоджи. И не случайно! Партнер рокфеллеровского нефтяного концерна, директор ЦРУ Аллен Даллес и владелец пакета акций на сумму 1 миллион долларов в нефтяной компании «Стандард ойл оф Калифорния», преемник А. Даллеса на посту директора ЦРУ Джон Маккоун рассчитывали, разгромив национально-освободительные движения в Индокитае, создать там марionеточные режимы, при которых их клиентам удастся бесцеремонно хозяйничать там.

Показательно, что в период с 1968 по 1970 гг., т. е. с момента пика эскалации в Южном Вьетнаме и вскоре после устроенного ЦРУ переворота в Камбодже, приведшего к власти Лон Нола, бурение в прибрежном шельфе Индокитая *утроилось*.

Активность американской разведки объяснялась и тем, что одна из клик в ЦРУ, вступив в контакт с мафией и национальным синдикатом

преступности, пожинала баснословные доходы с торговли наркотиками, вырачивавшимися прежде всего в Лаосе, Бирме, Таиланде.

Появление Роберта Кеннеди в Белом доме грозило положить конец ставшей опять безмятежной жизни для гангстеров. Поэтому медлить они не хотели и не могли. Не здесь ли следует искать мотивы для убийства в отеле «Амбассадор»?

Политическая карьера Роберта Кеннеди поучительна, таким образом, во многих отношениях. Он сталкивался с беспрецедентными расколами в американском обществе, вызванными живучестью расизма, непопулярной войной в далекой Азии. Эти расколы не обошли и правящую элиту. Роберт Кеннеди шел в Белый дом под флагом ликвидации раскола, вызванного войной во Вьетнаме. Но разве не исторический факт, что вместе со своим старшим братом-президентом он в начале 60-х годов потворствовал разведке и Пентагону в зловещих схемах «вползания» в гражданские войны, проходившие в Лаосе и Южном Вьетнаме!

Историки могут сказать, что эта политическая и государственная близорукость, проявленная Джоном и Робертом Кеннеди на первых порах, стала уступать место более реалистичному и взвешенному подходу к международным делам. Но также верно и то, что свернуть корабль государства с курса, одобренного военно-промышленным комплексом, оказалось им не под силу.

Раскол в правящей элите, вызванный ненасытной жадностью военно-промышленного комплекса, привел в конце 60-х — начале 70-х годов к невиданным брожениям и катаклизмам в США. Преодолеть их на путях пресловутой «новой политики» и пытался было Роберт Кеннеди, призывая американцев объединиться. Этой теме было посвящено и его самое последнее выступление, прозвучавшее в Лос-Анджелесе в ту роковую ночь.

— Я думаю, что мы можем ликвидировать расколы, выпавшие на долю Соединенных Штатов. Для меня совершенно ясно, что мы можем объединиться в работе. Что же происходит в Соединенных Штатах в последние три года? Раскол, насилие, разочарование в нашем обществе. Раскол между черными и белыми. Раскол из-за войны во Вьетнаме. Мы можем вместе взяться за работу. Мы великая страна, бескорыстная страна, мы способны на сострадания. И это положено мною в основу борьбы за...

Ему не дали договорить слово «президентство». Две тысячи разгоряченных мужчин и женщин взорвались аплодисментами. Им нравилось его умение перемежать речи неожиданными острыми нелестными для США политическими признаниями и возвышенными фразами из школьных учебников. Он действительно умел манипулировать словами, легко перебрасывать мостики между «новой политикой», входившей тогда в моду и которую он вместе с Юджином Маккарти олицетворял, и старым традиционным политиканством. Это

и обеспечивало ему перевес в голосах, ибо он устраивал и молодых политиков и многих ветеранов.

До съезда демократической партии в Чикаго было еще далеко. Здесь же при окончательном подсчете голосов калифорнийских демократов Роберту Кеннеди досталось 1 445 880, Юджину Маккарти — 1 305 728. Вряд ли может быть два мнения, что произошло бы в Чикаго в результате дуэли Кеннеди — Маккарти. Но дуэли не произошло, и победа досталась вице-президенту Хэмфри. В своей книге «Год народа» Ю. Маккарти оценит лос-анджелесские события следующим образом: «Убийство Роберта Кеннеди явилось трагедией, которая набросила траурный покров на калифорнийские праймеры и в ретроспективе на весь год президентских выборов».

ЗАГАДКА ОТЕЛЯ «АМБАССАДОР»

Роберт Кеннеди, как и его покойный брат, был убежденным фаталистом. Французскому писателю Ромэину Гери он сказал: «Я знаю, что рано или поздно на мою жизнь совершат покушение. Возможно, даже не столько по политическим причинам, сколько под вредным влиянием».

В день 4 июня, когда калифорнийцы повалили густой толпой на избирательные участки, чтобы засвидетельствовать свое предпочтение тем или иным претендентам в президенты США, в сенаторы, конгрессмены, темноволосый юноша с оливковым цветом лица упражнялся в стрельбе из своего «Айвер Джонсона» на полигоне «Ружейного клуба долины Сан Габриэль». Смотритель Генри Кэрреон привык к тому, что любители стрельбы не спеша заряжали, не спеша целились, не спеша рассматривали следы на мишенях. Но темноволосый парень палил без передышки, и вскоре все на стрельбище тарасили глаза в его сторону. Возле него выросла гора гильз. Не запомнить его было нельзя.

Пока темноволосый стрелок упражнялся на стрельбище, Роберт Кеннеди позволил себе небольшой отдых. После бесконечных переездов и речей он с удовольствием окунулся в нежно-голубой волне на знаменитом пляже Малибу. Заядлый спортсмен-альпинист, гребец, бегун — Роберт быстро восстанавливал силы. Он побыл немного на стоящей у пляжа вилле голливудского режиссера Джона Франкенхаймера, снявшего по просьбе Джона Кеннеди в начале 60-х годов антивоенный фильм «Семь дней в мае». Затем в «Роллс-Ройсе» своего друга певца Энди Уильямса он поспешил в Лос-Анджелес. Там его ждал номер в отеле «Амбассадор».

Было четыре часа после полудня, когда сенатор вошел в вестибюль «Амбассадора». По сторонам, почти прижимаясь к нему, ни на шаг не

отставали бывший агент ФБР, а ныне негласный руководитель охраны Билл Бэрри и звукооператор Джерри Костиган, в чью обязанность входило записывать на магнитофонную пленку все выступления и заявления Роберта Кеннеди.

Когда они уже почти приблизились к лифту, к ним пытался подойти невысокого роста темноволосый человек. Его отогнал Костиган, которого насторожило то, что в руке у незнакомца было «что-то свернутое».

В номере 512, занятом Кеннеди и его свитой, царило приподнятое настроение. Предварительные подсчеты складывались в пользу Кеннеди, он устойчиво опережал своего соперника — сенатора Юджина Маккарти — на 4 процента.

Спикер калифорнийской законодательной ассамблеи Джессе Унру заверил Роберта Кеннеди, что сомнений в победе над Юджином Маккарти быть не может и что пора идти на традиционную вечеринку в честь победы. Вечеринки — или роскошные, или скромные — неперменный атрибут предвыборных кампаний. Претендент приглашает на них тех, кто активно поработал на него в данном городе, данном штате. Братья Кеннеди платили за вечеринки из своего кармана, претенденты победнее не гнушались складчинами. Все, что требуется для этого ритуала — выпивка и минимальная закуска. Была одна минута после полуночи, первая минута 5 июня, когда они покинули номер 512.

Он произнес краткую речь, которую мы цитировали выше, в Посольской зале перед двумя тысячами бурно приветствовавших его калифорнийцев, подготовивших ему эту победу и теперь отпустивших все тормоза, чтобы на славу погулять. Затем ему надо было побывать на вечеринке в Бальной зале, где собрались его сторонники, которым не хватило места в Посольской зале. Затем сенатора ждали в фешенебельной лос-анджелесской дискотеке под претенциозным названием «Фабрика».

Роберт направился в Бальную залу через буфетную, примыкавшую к кухне. В этой малюсенькой комнатке, куда нахлынуло сразу около полсотни человек, уже было немислимо вообще протолкнуться. Роберт Кеннеди с трудом пробирался, улыбаясь, пожимая руки. И тут темноволосый выхватил из кармана пистолет. Он целил в сенатора и ранил его смертельно. Пять других человек получили раны — от тяжелых до пустяковых.

Раздалась возгласы: «Убить его!», «Линчевать ублюдка!» Как гром, перекрывая крики и вопли, Джессе Унру угрожающе скомандовал: «Не убивать! Держать живьем! Он нам нужен живым!» Жена, склонившаяся над Робертом в буфетной, громко повторяла самую нужную команду: «Дайте ему воздуха! Дайте ему дышать! Воздуха!».

В госпитале с библейским названием «Добрый самаритянин» он скончался через 25 часов, не приходя в сознание.

Весть о покушении в отеле «Амбассадор» застала сенатора Эдварда Кеннеди в Сан-Франциско. Он представлял Роберта на такой же победной вечеринке, потом включил телевизор в своем номере отеля «Фэрмонт». Вскоре с экрана прозвучала печальная новость. Эдвард встретил ее молча. После некоторого раздумья спросил: «Как нам побыстрее выбраться из этого проклятого места?». Из Лос-Анджелеса в Вашингтон он летел в передней части самолета у гроба брата. Террор в Америке, размышлял он вслух, творят зловещие ночные ковбои, безликие люди. Никто из собеседников не отважился попросить сенатора пояснить его мысль, но позднее, описывая эту сцену, телевизионный обозреватель С. Ванокер скажет о реакции Эдварда: «Он взбешен. Он не знает, совершен ли этот акт одиночкой или же этот акт — заговор».

Полиция города Лос-Анджелеса прибыла на место покушения через несколько минут после выстрелов. Ее начальник Томас Реддин сразу же взял в свои руки — в буквальном и переносном смысле слова — арестанта. «Я хочу остаться инкогнито», — повторял тот в ответ на все вопросы Реддина. Наверное, кубинец или с Вест-Индии, островов — подумал о нем шеф полиции и тут же, вывернув его карманы, обнаружил вырезку статьи известного вашингтонского обозревателя Дэвида Лоуренса. В ней Лоуренс характеризовал Роберта Кеннеди в вопросе Вьетнама как «голубя», а в ближневосточных делах — как «ястреба», поддерживающего Израиль. Так появился первый «след», ведущий к «главному мотиву» покушавшегося, главному с той точки зрения, что таким он был сделан в ходе процесса. Мечь араба за предрасположенность Кеннеди к Израилю.

В Нью-Йорке организация арабов, проживающих в США, — «Комитет действий в пользу американо-арабских отношений», мгновенно откликнулась на сообщение об убийстве Роберта Кеннеди палестинцем иорданского подданства решительным осуждением Сирхана за применение насилия. Вместе с тем комитет решил пояснить американцам, что поступок Сирхана «отражает обескураженность многих арабов, наблюдающих, как политики продали арабский народ Палестины за сионистские голоса».

Можно было понять положение, в котором оказался названный арабский комитет в США. Осудив Сирхана, отмежевавшись от его криминального деяния, он не мог его бросить на полный произвол судьбы. С другой стороны, комитет решил идти ва-банк и превратить трагический эпизод в символ разрушительности политики США на Ближнем Востоке. «Если нас станут осуждать за то, что мы не прощаем Роберту Кеннеди его воркование с израильтянами, то не большего ли осуждения заслуживают те, кто когда-то презирал и ненавидел его как политика, а теперь льет по нем крокодиловы слезы», — говорилось в заявлении комитета.

Почти одновременно с этим прозвучал голос преемника Роберта Кеннеди на посту министра юстиции — Рамсея Кларка: «Мы не располагаем свидетельствами заговора, единственные свидетельства указывают на то, что это был индивидуальный акт».

Писатель Трумэн Капоте, любивший направить свое перо на разгадки преступлений, высказал иное предположение — убийства братьев Кеннеди и Кинга «возможно, заключают в себе элементы одной колоссальной интриги». «Возможно, что за всем этим стоит кто-то», — отчеканил кардинал Ричард Кушинг, друг клана Кеннеди.

Власти крупнейшего города западного побережья не выразили какого-либо восторга по поводу слухов о заговоре. Засучив рукава они кирпич за кирпичом закладывали в фундамент, на котором могло бы покоиться для истории заявление министра юстиции Рамсея Кларка.

Мэр Лос-Анджелеса Сэм Йорти, политик крайне правых убеждений, вытащил на свет версию, что Сирхан был из левых. В первые же часы после его ареста мэр разнес на весь мир весть, что машину Сирхана видели запаркованной у мест, где собирались на митинг... левые. В нарушение уголовно-процессуальных кодексов штата Калифорния он оповестил мир о содержании дневника, который вел Сирхан. В нем якобы были какие-то намеки на симпатии к левым. Школьная учительница Сирхана мадам Тотси Бойко вспомнила, что он «восхищался Россией». И вот уже в красочном издании «Триумф и трагедия. Рассказ о Кеннеди», подготовленном агентством Ассошиэйтед Пресс, читаем: «Он, так же как и Освальд, проявлял интерес к России». В других изданиях его записали в «коммунисты».

Из дневника Сирхана извлекали также записи о том, что Роберт Кеннеди обещал Израилю 50 истребителей «Фантом» и что его за это надо убить до 5 июня. Почему именно эта дата? Исполнялась первая годовщина поражения арабов в так называемой шестидневной войне с Израилем.

Поначалу много говорилось и писалось об антисемитизме Сирхана. Но оказалось, что у него был в старших классах школы друг-еврей Джефф Кан, который стал вспоминать: «Сирхан был очень настроен против Израиля... Но, кажется, он делал различие между израильянами и евреями». Сирхан перед покушением проводил многие часы у одной пожилой еврейки, играя с ней в китайские шашки. Чтобы хоть как-то объяснить эту дружбу, стали говорить примерно следующее: «Он ненавидел Израиль, Вен-Гуриона, Аббу Эбана, но это незначало антиеврейского отношения».

От имени обвинения заместитель окружного прокурора Дэвид Фиттес заявил, что подсудимый совершил убийство «в одиночку и без соучастия кого-либо еще». «Он хитрый, злобный человек», — сказал, обращаясь к жюри, другой представитель обвинения, Бак Комптон. Еще до суда Сирхан отрицал виновность, затем, как это делается в американских судах, в обмен на жизнь он по совету

адвокатов соглашался признать вину. Когда комбинация не удалась, Сирхан заговорил, что невиновен в умышленном убийстве. К концу суда тактика изменилась, и, чтобы избежать смертного приговора, он вместе с защитой принял доказывать, что совершил убийство в состоянии невменяемости.

Жюри присяжных достался крепкий «орешек», попробуй реши — виновен или невиновен. Они впряглись в лямку и почти сутки без передышки колдовали над расшифровкой увиденного и услышанного. Они вынесли приговор — виновен. Полсудок заседали еще раз присяжные для определения меры наказания. Сирхану было велено подготовиться к смертной казни в газовой камере. Просьба о помиловании, подписанная Эдвардом Кеннеди от имени клана, не смягчила сердца судьи Г. Уокера. Но ее учли апелляционные суды, куда обратились адвокаты приговоренного. В результате Сирхану не пришлось переступить порога газовой камеры тюрьмы Сан Квентин.

Полиция Лос-Анджелеса не испытывала восторга от замены смертного приговора на тюремное заключение. Несмотря на протесты юристов, она заперла в надежные сейфы 10 томов «официального расследования» убийства Роберта Кеннеди и стойко отбивает по сей день все попытки, поддерживаемые даже судебными инстанциями, приблизиться к этим секретным, как она сама их именует, документам.

Но что же может быть секретного в таком деле, которое в Америке называют не иначе как «герметической закупоркой»? С очень близкого расстояния человек разрядил обойму в шедших ему навстречу людей, среди которых был и, по всей вероятности, будущий президент страны. Человек не отрицал, что он стрелял, что он хотел убить избранную им жертву. Все это подтверждали свидетели. Нет ни малейшей дырочки, через которую мог бы просочиться воздух, понюхав который можно было поморщиться и сказать: а ведь пахнет чем-то не таким.

Даже многие «далласские скептики», не верившие в версию Комиссии Уоррена, разводили здесь руками. Ничего не скажешь: все видели Сирхана в отличие от Освальда, которого якобы видел в окне шестого этажа с улицы лишь один Говард Бреннан. У Освальда даже следов пороха не было там, где им положено быть, если он действительно стрелял из винтовки, — на щеке. И так далее. Правда, была одна общая черта у Освальда и Сирхана: незадолго до сенсационных покушений на братьев Кеннеди они любили демонстрировать в платных тирах меткость и жажду стрелять, стрелять и стрелять!

К вящему удивлению благородной публики, «герметическая закупорка», как у фокусника, дала течь. Не сразу, а постепенно, по мере того, как шли годы и появлялись интригующие факты. Из рядов

благородной публики раздавались примерно такие голоса: нас гипнотизируют. Как бы в ответ «фокусник» успокаивал: нет, мы вас пытаемся разгипнотизировать.

Шутка шуткой, но обнаружили прорехи в саге об убийце-одиночке, и среди них нельзя обойти молчанием отверстие, продырявленное... гипнозом. Не в буквальном смысле слова, а предположением, что Сирхан находился в момент покушения в загипнотизированном состоянии. Еще на суде, давая показания, Сирхан поведал о том, что якобы подолгу гипнотизировал себя. Он пришел к оккультизму будто бы под влиянием ощущений одиночества. Сказалось и общение с теософистами и розенкрейцерами *. Сидя перед зеркалом с двумя горящими свечами, он, если верить его рассказу на суде, постигал и самогипноз.

Как бы там ни было, но среди различных специалистов, соприкасавшихся с «герметически закупоренным» делом сенатора Кеннеди, возникло подозрение, что Сирхан в день преступления был не под самогипнозом, а чужим гипнозом. Врач-психолог тюрьмы Сан Квентин Эдуард Симсон-Кэллас беседовал с Сирханом в общей сложности 40 часов в камере смертников тюрьмы Сан Квентин. В телевизионной программе Си-Би-Эс, посвященной расследованиям убийства Роберта Кеннеди, доктор Симсон-Кэллас, отвечая на вопрос ведущего «Какова ваша собственная гипотеза относительно происшедшего?», — ответил так: «Моя собственная гипотеза такова — в этом деле должны были быть замешаны другие люди. Кто-то должен был настроить его. Он был человеком, который идеально подходил для этой цели, потому что его можно было эксплуатировать на почве острого израильско-арабского конфликта. Он идеальный человек, потому что он по своей натуре ведомый. В годы второй мировой войны я командовал ротой. Вот таких бы солдат я хотел иметь у себя в роте. Он следует приказаниям, он готов умереть. Он задает не много вопросов».

Ведущий лаконичноотреагировал на гипотезу психолога. Он пояснил, что речь идет о версии «так называемого программирования» — «теории, согласно которой Сирхан был загипнотизирован другими для совершения убийства». Хотя телекомментатор не уточнял, кого он имел в виду под «другими», в американской печати

* Сирхан состоял в калифорнийских сектах теософистов и розенкрейцеров. «Общества теософистов» в США преследуют цель «развивать сверхчужественные силы человека», что в действительности часто оборачивается бессовестным жульничеством и мистификацией. Орден розенкрейцеров ведет начало из XII века в Германии. Англосаксонская ветвь ордена «красной розы в центре креста» слилась с франкмасонством. Смешанные общества розенкрейцеров и франкмасонов заняты по-прежнему, как и много веков назад, «опытами» по перевоплощению душ.

секрета из этого не делалось. Соответствующие опыты, как показали слушания в комиссии Черча, проводились с 1954 года в ЦРУ.

Но заключения врачей-психологов для калифорнийского суда веса не имели. Независимые расследователи устремили взоры к уликам, вернее, к отсутствию некоторых улик, существовавших сначала и благополучно исчезнувших позднее. Речь шла об однотипном пистолете «Айвор Джонсон», бывшем в момент убийства в руках одного из стражей порядка, охранявших вход в буфетную, и дверных рамах буфетной, имевших на себе следы пуль.

Три пули поразили Роберта Кеннеди, одна из них попала в голову — сзади и снизу. Все свидетели подтверждают, что Сирхан стоял впереди и попасть в затылок просто не мог. Он стрелял, по мнению одних, с расстояния 2—3 футов (60—90 см), а по мнению других, с расстояния 8—10 футов. Тем не менее врач-анатом лос-анджелесского графства Томас Ногучи дал показания под присягой, что смертельный выстрел в голову (рана под ухом) был произведен с расстояния нескольких дюймов (1 дюйм = 2,5 см) и не более. Вывод Ногучи подтверждает и Уолфер из полицейского управления Лос-Анджелеса, который отвечал за научно-техническую экспертизу. Химические пробы, взятые Уолфером с пиджака сенатора, на котором остались входные следы пуль, показали, что они были выпущены из оружия, находившегося всего в нескольких дюймах от тела сенатора.

Пули, изъятые из головы Кеннеди и тела раненого в живот Уильяма Вейзела, а также еще одного раненого, не могли быть выпущены из одного оружия — к такому заключению пришли известные калифорнийские эксперты по баллистике У. Харпер и Г. Макдональд. Профессор Г. Макдональд исследовал образцы пуль фирмы «Каскэйд катридж компани», которыми стрелял Сирхан. Выяснилось, что вообще этим образцам пуля, смертельно ранившая Р. Кеннеди, не соответствовала.

Среди тех, кто находился в ту ночь в буфетной отеля «Амбассадор», был Теодор Карач. В течение 5 последовавших лет он работал над фильмом «Второй пистолет», который появился на экранах немногочисленных американских кинотеатров в конце 1973 года. Он доказывал, что в Р. Кеннеди был произведен выстрел из второго пистолета; что пуля из этого пистолета была роковой; что ни одна из пуль, выпущенных из пистолета Сирхана, не попала в Кеннеди; что полиция просмотрела или отмахнулась от всех показаний, которые шли вразрез с ее мнением о Сирхане как убийце-одиночке.

Сзади Кеннеди и справа от него стоял агент безопасности Тейн Юджин Сезар, который, по его собственным словам, выхватил из кармана пистолет. Однако, как выяснил Карач, этот пистолет не был осмотрен, и следователь ограничился лишь поверхностным допросом Сезара.

Сезар признал, что у него был пистолет калибра 0.22, такой же, как у Сирхана. Позднее же он утверждал, что якобы продал его еще до убийства Р. Кеннеди. Однако Карач разыскал покупателя пистолета, заявившего, что он приобрел его в сентябре 1968 года. В Сезаре некоторые в США подозревают истинного убийцу сенатора Кеннеди. Он был связан с мафией, а в последние годы совершенно исчез из поля зрения расследователей.

В фильме Карача эксперты Уильям Харпер и Де-Уэйн Уолфер подробно объяснили, что в буфетной не мог не стрелять второй пистолет. В киноочерке прозвучал и рассказ фотографа, который заявил, что сделанные им снимки, запечатлевшие сцену убийства, были конфискованы полицией и затем «потеряны».

Фильм и другие выступления в поддержку нового расследования убийства Р. Кеннеди вынудили муниципалитет Лос-Анджелеса начать в 1974 году видимость повторного следствия. Специальная комиссия, созданная городскими властями, объявила, однако, спустя год о самороспуске после того, как полиция отказала ей в доступе к архивам, касающимся преступления.

Конгрессмен от штата Нью-Йорк Эллард Ловенстейн, которого мы цитировали в начале нашего повествования относительно возможных политических мотивов убийства сенатора, вместе с группой независимых калифорнийских юристов не прекращал попыток докопаться до истины в деле об убийстве Р. Кеннеди. Они нашли ряд свидетелей, в том числе бывшего метрдотеля ресторана при «Амбассадоре», показавших под присягой, что в момент трагедии они видели засевающую в стойке двери пулю, которая оказалась вне поля зрения официальной комиссии.

Пять криминалистов, которые подвергли тщательному изучению помещение, и в особенности двери, не нашли никаких следов от пули. Однако их заключение не внесло ясности в обстоятельства гибели Р. Кеннеди. Дело в том, что обшивка двери и облицовочные плитки со стен и потолка были вскоре после преступления сняты и уничтожены. Таким образом, важнейшие вещественные доказательства, которые могли бы пролить свет на обстоятельства убийства, оказались навсегда утраченными.

Корреспондент Си-Би-Эс рассуждал: «Знаем ли мы с уверенностью, что полиция обнаружила и публично опознала все дыры от пуль, которые остались после нескольких секунд хаотической стрельбы? Недавно полиция была вынуждена подтвердить, что она «рутинно» уничтожила облицовочные плитки с потолка, содержавшие три дыры, а также две стойки из дверной рамы. Какие-либо ответы, которые они могли бы дать, исчезли».

Если суммировать ту часть расследования, которая касалась числа ран, таких следов пуль, как отверстия, дыры, то картина выглядела следующим образом. Кроме раненного в живот Уильяма Вейзела,

ранения получили Паул Шраде, Ирвин Стролл, Айра Голдстейн и Элизабет Эванс. Было обнаружено по крайней мере 12 четких дыр от пуля. Официальные расследователи придерживались теории, что все 12 дыр — следы 8 пуля Сирхана, поскольку было найдено 8 гильз. Независимые расследователи утверждают, что 12, а возможно, и больше дыр были сделаны 9 пулями. Они не убеждены, что в обойме Сирхана были все 8 пуля, они считают, что в буфетной был второй убийца.

Комментируя все эти разночтения, журналист Си-Би-Эс в телевизионной программе отмечал: «Объяснение полиции, которое жидется на 8 пулях и 12 дырах, по всей вероятности, наименее убедительное звено в цепи свидетельств, которые водрузили Сирхан Сирхана на пьедестал убийцы-одиночки... Если в ту ночь в отеле «Амбассадор» стрелял второй пистолет или даже если его не было — явилась ли гибель Кеннеди результатом заговора? Мы знаем, что заговоры — труднодоказуемое дело. Так же как невозможно их опровергнуть».

И далее журналист, сообщив, что Си-Би-Эс «слышала много интригующих, но откуда не подтвержденных теорий заговора в этом деле», остановился коротко на одной, которая была, с его слов, отмечена выше: «Некоторые ведут речь о так называемом программировании — теории, согласно которой Сирхан был загипнотизирован другими для совершения убийства, Сирхан занимался и самогипнозом, и в некоторых отчетах говорилось, что, когда он открыл огонь, он находился в состоянии самовнушенного транса».

Загадка отеля «Амбассадор» осталась неразгаданной. Специальная комиссия палаты представителей по расследованию убийств предполагала включить в программу своих слушаний и дело об убийстве Роберта Кеннеди. Мотивируя эти планы, один из инициаторов создания специальной комиссии и ее первый председатель, конгрессмен Генри Гонзалес говорил: «В конце концов убийства Джона и Роберта Кеннеди изменили ход американской истории, нарушили демократический процесс, лишили страну выбора, вызвали внутреннее беспокойствие, причинили огромный ущерб национальной психике».

Гонзалес не единственный человек, считающий, что убийство братьев Кеннеди позволило последующим администрациям сдвинуть страну на какое-то число градусов вправо от прежнего курса. Некоторые историки и журналисты пытаются гадать, что могло бы быть, если остались бы живы один или оба брата.

Например, июньский номер журнала «Интеллекчюал дайджест» за 1972 год вышел с портретом Роберта Кеннеди на обложке и подписью под ним: «Анализ успехов и неудач администрации президента Роберта Ф. Кеннеди». На четырех страницах, набранных убористым шрифтом, своими мыслями делился ведущий вашингтонский корреспондент синдиката «Херст», президент Национального

клуба печати Уоррен Роджерс. Его политический анализ-фантазия строился на предположении, что Роберт Кеннеди уцелел после покушения в «Амбассадоре», пришел в Белый дом, в тот же день отправил в отставку Эдгара Гувера и начал бурную внутреннюю и внешнеполитическую деятельность. Через два месяца он «подписал мир во Вьетнаме», затем «заключил Договор об ограничении стратегических вооружений с Советским Союзом», нанес «визит в социалистическую Кубу», и т. д. Эта необычная экстраполяция — не в будущее, а возможное прошлое — интересна тем, что и историки и журналисты весьма высоко расценивают потенциальные позитивные внешнеполитические задатки, таившиеся в среднем из братьев.

Тем больше недоумения вызывает решение специальной комиссии по расследованию убийств, которая то ли действительно из-за недостатка средств, то ли по другим, точно неизвестным причинам отошла от первоначального замысла и ограничилась расследованием убийств Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, придя в обоих случаях к выводу о существовавших заговорах. Комиссия поручила министерству юстиции изучить свои выводы и там, где это возможно, продолжить расследование. Судя по сообщениям печати, министерство юстиции изучает те акустические данные, которые позволили комиссии прийти к выводу о том, что в президента Дж. Кеннеди стреляли не только сзади, но и спереди. В расследование далласской трагедии включилась и Национальная академия наук США.

На фоне этой активности относительное затишье наступило на «фронте» расследования гибели Роберта Кеннеди. Как-то незаметно даже прошло весной 1980 года загадочное убийство одного из главных независимых расследователей тайны «Амбассадора», 51-летнего нью-йоркского юриста, бывшего конгрессмена Элларда Ловенстейна. Как заведено в таких случаях, убийство было списано на счет «сумасшедшего», но согласитесь, уж очень специфической была мишень (адвокат в его конторе в огромном доме, а не прохожий на улице) и очень точной была стрельба: из пяти пуль две в сердце. «В современных американских убийствах, — замечает историк Теодор Уайт, — выстрелы потрясающе точны». И потом все эти убийства, добавляет историк, бывают «прекрасно спланированы».

Американские идеологи любят прославлять «демократический процесс» формирования у них власти. Тут можно услышать и об избирательном бюллетене, и о «праймерии», и о съездах партий, и о «плюрализме». Но этот перечень не полон. Винтовка, бесшумный пистолет, нож, кастет, динамит, цианистый калий, «роковая» авиакатастрофа, «роковая» авиакатастрофа, шантаж, подкуп, клевета — это также средства формирования власти. Буржуазная Америка никогда не исключала и не собирается исключать из своего «демократического процесса» кровавую политическую месть.

Политические убийства в современной Америке не начались и не закончились расправами над братьями Кеннеди и Мартином Лютером Кингом. Жертвами кровавого насилия были президенты, законодатели, судьи, бесчисленное количество менее известных деятелей.

Убийства политических деятелей не любят называть в США политическими убийствами. Да, не все эти покушения и убийства имели на сто процентов политическую подкладку. Некоторые из них таковой вообще не имели. Довольно безрассудной, если судить по американской печати, выглядела и террористическая выходка в апреле 1981 года против президента Рональда Рейгана «типичного американского парня» Джона Хинкли, голова которого была переполнена, однако, нацистским бредом. Своим психологическим абсурдом она напоминала два покушения в 1975 году на президента Джеральда Форда. Но уверять, как это делают заокеанские средства массовой информации, что в президента целятся и стреляют лишь потому, что он благодаря своей известности — «самая соблазнительная мишень» для множества американцев, разочаровавшихся в жизни или ищущих мгновенной славы, — это абсурд.

Близок к истине американский публицист П. Флэммонд, который в своей книге «Заговор против Кеннеди» солидаризировался с Джимом Гаррисоном во мнении, что в США существует постоянно действующий механизм, ставящий целью уничтожение всех общественно-политических деятелей, которые, с точки зрения создателей этой адской машины, ставят под угрозу их нынешние операции или могут угрожать их будущим планам.

Мертвая хватка наиболее бесчеловечных хищников, возвращаемых эксплуататорским обществом, погоня за золотым тельцом, доведение до «совершенства» техники убийств питают в Америке атмосферу, позволяющую творить расправу даже над стопроцентными защитниками «американского образа жизни».

Джимми Хоффа говорил, что профессионального убийцу в Америке можно нанять за 2 тысячи долларов. Да, поистине недорого стоит жизнь человеческая в стране, лидеры которой пытаются навязчиво читать всему миру наставления по части «человеческих прав».

Американский империализм породил чудовищные социальные язвы, в том числе внутренний и международный терроризм, культ насилия, безнаказанность опаснейших преступников, возможность нанять платных убийц. Трудно сказать, что больше потрясло в последние годы общественность США: бесконтрольность ли ЦРУ, его связи с мафией или та легкость, с которой разведка допускала убийства иностранных государственных деятелей, опутывала слезкой собственный народ. За все эти преступления ЦРУ отдавалось легкими ушибами. Конгресс прочитал рыцарям «плаща и кинжала» молитву, призвав их быть осторожнее и не попадаться.

После этого ЦРУ вернулось ко всем тем методам, которые были публично осуждены сенаторами. К началу 1981 года конгресс фактически снял и без того куцые ограничения, которые были наложены на ЦРУ в сфере тайных подрывных операций, главным орудием которых является терроризм.

Фидель Кастро заклеил ЦРУ как самую опасную международную мафию. Точнее не скажешь!

Преступления в Далласе и Лос-Анджелесе, другие политические убийства остались темными, мрачными пятнами на челе американского капитализма. С помощью политических убийств, совершаемых с непостижимыми ухищрениями, наиболее реакционные круги империалистической Америки держат в узде и повиновении политическую касту, особенно ее либеральную прослойку. «В результате насилия наши политические потери неисчислимы, — писал юрист Дэвид Берг в американском журнале «Ньюсуик» в конце 1980 года. — Было бы явным упрощением сказать, что либерализм иссяк на иден и умер; правильнее сказать — его лидеры были убиты. После убийств Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга возник вакуум, и мы не услышали голосов, которые сформулировали бы новые политические направления».

Верховный судья Уоррен заявил в свое время, что при жизни нынешнего поколения не вскроются тайны далласской трагедии. Вероятно, это он мог повторить и в отношении преступления в Лос-Анджелесе. Однако независимые американские расследователи не складывают оружия, они надеются найти ключи, с помощью которых можно было бы открыть злополучные замки еще при жизни нынешнего поколения.

Это нужно в первую очередь самим американцам. Они понимают, что политические убийства, кровавая месть не просто символы жестокости сил реакции. Постоянно действующий механизм политических убийств не только позор современной Америки. Он угрожает интересам американского народа, создает опасность народам других стран. Демонтаж этого чудовищного механизма — актуальная задача, ее решение способствовало бы укреплению мира и взаимопонимания.

Сергей Андреевич ЛОСЕВ
Виталий Васильевич ПЕТРУСЕНКО
МЕСТЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Редактор В. В. Дунаева

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 21.09.83. Подписано к печати 22.11.83. А 00753. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,13. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2955. Заказ № 1463.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ОРФЕЙ·101· СТЕРЕО

Естественное звучание музыкальных и речевых программ точно воспроизводит первоклассный электропроигрыватель «Орфей-101-стерео».

В электропроигрывателе применены современные устройства: стробоскопическое устройство для подстройки частоты вращения диска, микролифт с электронным управлением, фотоэлектронный автостоп.

Конструкция «Орфей» гарантирует высокое качество воспроизведения и надежность в работе.
Цена — 308 руб.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

